

Научная статья

УДК 821.161.1+070

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5541

Достоевский как турист (1862): открытие Европы или тайный визит к Искандеру?

И. Л. Волгин

*Московский государственный университет
(Москва, Российская Федерация)*

e-mail: mail@volgin.ru

Аннотация. Первое зарубежное путешествие Достоевского летом 1862 г. обладает как видимой, так и сокрытой сторонами. Посетив «страну святых чудес», автор «Зимних заметок о летних впечатлениях» сосредоточивает свое внимание на двух мировых столицах. Оба города — символы победившей буржуазной цивилизации: ее материального (Лондон) и морального (Париж) торжества. Именно с этим «дивным новым миром» соотносятся возможные исторические перспективы России. При этом Англия выступает как «испытательный полигон» для некоторых будущих романтических коллизий, а Франция — как образчик полицейского государства. Ставится вопрос о формировании у Достоевского завершенной концепции Запада. В работе тщательно реконструируются практически неизвестные ранее подробности тайного визита Достоевского к лондонскому изгнаннику — А. И. Герцену, тематика и характер их общения, проявленный ими взаимный интерес. Впервые эта встреча рассматривается в широком историческом контексте — в тесной связи с событиями в России: петербургскими пожарами, прокламацией «Молодая Россия», арестами Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского (а также — с визитом к последнему Достоевского накануне своего отъезда за границу), обыском в Ясной Поляне, приостановкой «Современника» и «Русского слова», готовящейся репрессией против «Времени». Все эти линии связаны единым «типографическим сюжетом» (попытками создания бесцензурной свободной печати), у истоков которого стоял Достоевский (1849) и который был реально воплощен Герценом в 1853 г. На основе неизвестных архивных документов исследуются подробности обыска Достоевского на русской границе (Вержболово) после возвращения из Европы, опечатывания его бумаг и последующего допроса на Следственной комиссии в Петербурге.

Ключевые слова: Достоевский, Герцен, Лондон, Париж, Запад, «Зимние заметки о летних впечатлениях», буржуазная цивилизация, Чернышевский, Ольга Герцен, Писарев, «Молодая Россия», петербургские пожары, обыск в Вержболово, «Колокол», «Полярная звезда», Катков, Александр II, Следственная комиссия, Л. Толстой, Петрашевский, Майков, Страхов

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90021 «Достоевский: жизнь и наследие. Биографические лакуны. Рецепция творчества и судьбы в национальном сознании (1881–1921)».

Для цитирования: Волгин И. Л. Достоевский как турист (1862): открытие Европы или тайный визит к Искандеру? // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 3. С. 31–71. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5541

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5541

Dostoevsky as a Tourist (1862): The Discovery of Europe or a Secret Visit to Iskander?

Igor L. Volgin

*Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: mail@volgin.ru

Abstract. Dostoevsky's first foreign trip in the summer of 1862 has both visible and hidden aspects. Having visited the "land of holy miracles," the author of *Winter notes on summer impressions* focuses his attention on two world capitals. Both cities are symbols of the victorious bourgeois civilization: its material (London) and moral (Paris) triumphs. It is with this "brave new world" that Russia's potential historical prospects are correlated. At the same time, England acts as a "testing ground" for some future novel collisions, and France — as an example of a police state. The question is raised about the formation of Dostoevsky's comprehensive concept of the West. The work carefully reconstructs the previously little-known details of Dostoevsky's secret visit to the London exile — A. I. Herzen, the subject and nature of their communication, the mutual interest they demonstrated. For the first time, this meeting is examined in a broad historical context—in close connection with the events in Russia. The latter include the St. Petersburg fires, the "Young Russia" proclamation, the arrests of D. I. Pisarev and N. G. Chernyshevsky (and with Dostoevsky's visit to the latter on the eve of his departure abroad), a police search in Yasnaya Polyana, the suspension of the *Contemporary* and *Russian Word*, and the upcoming repression against *Time*. All of the above are connected by a single "typographic plot" (attempts to create an uncensored free press), which was founded by Dostoevsky (1849) and realized by Herzen in 1853. based on unknown archival documents, the details of Dostoevsky's search on the Russian border (Verzhbolovo) after his return from Europe, the sealing of his papers and the subsequent interrogation at the Investigative Commission in St. Petersburg are examined.

Keywords: Dostoevsky, Herzen, London, Paris, the West, "Winter Notes on Summer Impressions," bourgeois civilization, Chernyshevsky, Olga Herzen, Pisarev, "Young Russia," St. Petersburg fires, search in Verzhbolovo, "The Bell," "The Polar Star," Katkov, Alexander II, The Investigative Commission, Leo Tolstoy, Petrashevsky, Maikov, Strakhov

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90021.

For citation: Volgin I. L. Dostoevsky as a Tourist (1862): The Discovery of Europe or a Secret Visit to Iskander? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 3, pp. 31–71. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5541 (In Russ.)

«Восторг и ужас»: встреча с первой любовью

В декабрьском номере «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский вдруг вспоминает о «мечтах и фантазиях», которые бродили некогда в головах его юных сверстников. В том числе и о дерзких прожектах «бежать в Венецию». «...Я знал одного такого», — несколько туманно добавляет он в скобках.

Разумеется, он его знал. В возрасте пятнадцати лет, покидая Москву и направляясь в Петербург, он усердно сочиняет (правда, пока в уме) «роман из венецианской жизни».

«Венеция» — собирательный образ романтического и благословенного Запада, «страны святых чудес». К ним, этим чудесам, он был приуготован с ранних своих дней. Можно сказать, он возрос под обаянием этого победительного чувства.

«За границей, — сказано в “Зимних заметках о летних впечатлениях”, — я не был ни разу; рвался я туда чуть не с моего первого детства, еще тогда, когда в долгие зимние вечера, за неумением грамоте, слушал, разиня рот и замирая от восторга и ужаса, как родители читали на сон грядущий романы Радклиф, от которых я потом бредил во сне в лихорадке. Вырвался я наконец за границу сорока лет от роду, и, уж разумеется, мне хотелось не только как можно более осмотреть, но даже все осмотреть, непременно все, несмотря на срок» (Д30; 5: 46)¹⁾.

«Восторг и ужас» — вот первое восприятие Достоевским западного культурного мифа. Но «ужас» здесь, скорее, фигура речи: подразумевается, конечно, «ужас восторга». Вряд ли, однако, именно с подобным чувством въезжал он в Европу, когда судьба даровала ему эту чаемую с детства возможность:

«Как это вот я увижу наконец Европу, я, который бесплодно мечтал о ней почти сорок лет, я, который еще с шестнадцати лет, и пресерьезно, как Белопяткин у Некрасова,

Бежать хотел в Швейцарию, —

но не бежал, и вот теперь и я въезжаю наконец в “страну святых чудес”, в страну таких долгих томлений и ожиданий моих, таких упорных моих верований» (Д30; 5: 51).

Бежать, оказывается, хотелось также и в Швейцарию, причем «с шестнадцати лет». То есть уже не из благополучного московского семейства, а, судя по всему, из Петербурга, прямо из военно-учебного заведения — Инженерного училища, иными словами, — из воздвигнутого по западным «масонским» лекалам Михайловского замка, где вполне домашним способом был умерщвлен несчастный император.

¹⁾ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Здесь и далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Д30 и указанием тома, полутома (нижний индекс) и страницы в круглых скобках.

Он покидает Петербург 7 июня (по ст. стилю) 1862 г.²⁾ в восемь часов утра. Поездка по железной дороге до Берлина занимала 46 часов 15 минут³⁾.

Спрашивается: как могли его, недавнего каторжника, всего лишь два года с небольшим как вернувшегося в столицу, обретшего вновь дворянство, но отнюдь не прощенного (ибо никакой официальной реабилитации не последовало), выпустить за границу? (Формальное разрешение было получено сравнительно быстро.) Не потому ли, что мотив у намеревающегося отъехать литератора был довольно стандартный, не вызывающий подозрений. А именно — поправление здоровья⁴⁾.

Не мог же он толковать *им*, что просто желает «проехаться по Европе»: применительно к *нему* такого рода аргументы могли и не возыметь желаемых последствий.

Между тем за более чем двухмесячное пребывание за границей собственно на лечение не было, кажется, потрачено ни одного дня (что не исключает разовых консультаций, например, у каких-то парижских врачей). Он ехал туда совсем не за этим.

Отправляясь в Европу, Достоевский достигает крайней западной точки своего физического присутствия в мире. Передвижение его в пространстве ограничивается строгой системой координат: Кузнецк — Лондон. Ни восточнее этих «конечных» пунктов, ни западнее он никогда более не двинется.

Он въезжает в «страну долгих томлений» восемь лет спустя после выхода «из мрачных пропастей земли». «Записки из Мертвого дома» еще печатаются во «Времени». И хотя он уже вполне освоился в Петербурге, контраст между недавним сибирским прошлым и открывающимся в своих пока еще неведомых подробностях европейским настоящим — этот контраст не мог не волновать его ум. В обоих случаях он оказывался за пределами привычной ему среды: этой асимметрией как бы замыкалось его жизненное поле.

У русской путевой прозы был к тому времени немалый задел. Вряд ли, приступая к своим «Зимним заметкам...», Достоевский держал в памяти

²⁾ Даты, связанные с Россией, даются по старому стилю, а с пребыванием Достоевского за границей — преимущественно по новому.

³⁾ Хронология всех передвижений Достоевского за границей в указанный период прослежена в статье М. И. Брусовани и Р. Г. Гальпериной (см.: [Брусовани, Гальперина]).

⁴⁾ Хотя во время майских петербургских пожаров 1862 г. (речь о которых впереди) в здании Министерства внутренних дел сгорели документы, относящиеся к первой заграничной поездке Достоевского (см.: РГИА. Ф. 1286. Оп. 24. 1862. Д. 127. Л. 4; [Коган: 596], [Летопись: 363]), есть основания полагать, что начальству было представлено медицинское свидетельство от профессора В. В. Бессера [Летопись: 350]. Обсуждалась также возможность о предоставлении такового от профессора С. П. Боткина. Для получения заграничного паспорта медицинское свидетельство Бессера было удостоверено во врачебной управе. Не исключено, что получению разрешения на выезд споспешествовал генерал-губернатор Петербурга А. А. Суворов («гуманный внук воинственного деда», по слову Ф. Тютчева), сочувствовавший Достоевскому. Автор «Бедных людей» оказался одним из первых петрашевцев, выпущенных за границу. Кроме него, этой милости удостоился лишь А. И. Европеус, сопровождавший в Европу свою больную жену.

«Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Но «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина он не мог не знать. Правда, автор «Писем...» «сделал вид», что означенные эпистолы сочинялись и отсылались им по мере его продвижения по европейским просторам, хотя писались они преимущественно по возвращении путешественника в Москву. Достоевский не стал прибегать к этим творческим хитростям. Он твердо обозначил дистанцию между самим путешествием и возникшим впоследствии текстом. В самом названии «Зимних заметок о летних впечатлениях» можно усмотреть весьма ироничный оттенок: намек на то, что указанный временной промежуток мог охладить (и одновременно — укрупнить) впечатления *интуриста*.

Но заголовок еще и задает *тон*. Все повествование (в первую очередь, «немецкие» и «французские» главы) проникнуто сдержанной авторской усмешкой. Или, иначе говоря, внутренний сюжет «Зимних заметок...» развертывается под саркастическим писательским прищуром.

Почему Достоевский избрал именно такую художественную оптику, именно такой — подчеркнуто игровой — угол зрения? Не рассчитывался ли он подобным образом со своим прошлым — с юношеским упоением и ослеплением Западом?

«Ведь все, решительно почти все, что есть в нас развития, науки, искусства, гражданственности, человечности, все, все ведь это оттуда, из той же страны святых чудес! Ведь вся наша жизнь по европейским складам еще с самого первого детства сложилась. Неужели же кто-нибудь из нас мог устоять против этого влияния, призыва, давления? Как еще не переродились мы окончательно в европейцев?» (Д30; 5: 51).

Но вот что интересно. Во всем многомерном тексте «Зимних заметок...» почти нет *развернутых* характеристик тех или иных явлений европейской культуры. Столь любимые в молодости Расин, Корнель, Шекспир, Гёте, Шиллер и др. как бы остаются в подтексте повествования. Культура — в ее классическом виде — присутствует, подразумевается, но отнюдь не она определяет нынешний облик Запада. Из обязательных для «среднестатистического» туриста достопримечательностей упомянут вскользь (причем в довольно двусмысленной огласовке) разве что Кельнский собор, и, пожалуй, еще парижский Пантеон (да и то лишь как место, где безмолвный посетитель обязан вкушать плоды французского красноречия). Причем эти авторские (туристические) небрежности подаются как сознательно избранная точка зрения:

«Ведь говорят же вот, что быть в Риме и не видеть собора Петра невозможно. Ну так посудите же: я был в Лондоне, а ведь не видал же Павла. Право, не видал. Собора св. Павла не видал. Оно конечно, между Петром и Павлом есть разница, но все-таки как-то неприлично для путешественника» (Д30; 5: 49).

Он говорит, что не видел Павла потому, что торопился в Пентонвиль. Почему именно туда? Он полагается на осведомленность читателей: Пентонвиль — это лондонская тюрьма.

Если «Зимние заметки...» являют собой очерковую прозу, то последняя претерпевает под пером очеркиста неожиданные метаморфозы. Можно сказать, что взгляд автора сфокусирован не столько на описании предмета, сколько пытается проникнуть в его субстанциональную глубину, постигнуть его внутренний смысл⁵⁾.

Перечислив города, в которых за неполные два месяца он побывал, — Берлин, Дрезден, Висбаден, Баден-Баден, Кёльн, Париж, Лондон, Люцерн, Женеву, Геную, Флоренцию, Милан, Венецию, Вену («да еще в иных местах по два раза»), Достоевский признается, что «в Риме, например, так и не был».

Однако не только Рим, но и большинство названных городов в «Зимних заметках...» практически не упоминаются. Авторское внимание почти целиком сосредоточено на двух мировых столицах — Лондоне и Париже. Это — два несокрушимых оплота Запада, два центра, где в наибольшей степени воплотились образы современной Европы. Очевидно, поэтому «Зимние заметки...» — сугубо *выборочный* текст: читатель лишен возможности сопутствовать автору в его остальных зарубежных скитаниях.

Правда, мимоходом сообщается, что, например, Берлин, где путешественник пробыл всего один день, произвел на него «самое кислое впечатление», поскольку указанный город «до невероятности похож на Петербург» (ДЗ0; 5: 47). И что «ничего нет противнее типа дрезденских женщин». Заодно вызывает сомнения и Кёльнский собор: он аттестован «галантерейной вещицей». Однако все эти уничижительные определения тут же дезавуируются: оказывается, они вызваны ничем иным, как дорожной усталостью и больной печенью повествователя. Поэтому, скажем, у Кёльнского собора, чей образ Достоевский «с благоговением чертил <...> еще в юности, когда учился архитектуре», автор даже готов просить прощения на коленях. Да и перед дрезденскими немками он согласен повиниться, хотя замечает, что «к немцу надо особенно привыкать и что с непривычки его весьма трудно выносить в больших массах» (ДЗ0; 5: 47).

Все это, разумеется, входит в правила игры, в ту игровую условность, которая предложена автором.

Вообще-то у внимательного читателя может создаться впечатление, что Запад — это только предлог для того, чтобы потолковать о России. Недаром автор называет одну из важнейших составляющих текста «Глава III. И совершенно лишняя»: она полностью посвящена русскому восемнадцатому столетию, Д. И. Фонвизину, его комедии «Бригадир» и проч.:

⁵⁾ Спор о жанре «Зимних заметок...» бессмыслен: жанр этот настолько же индивидуально-«достоевский», насколько личностен и неповторим, скажем, «Дневник писателя». См. обстоятельную работу: [Захаров: 180–201].

«Да, конечно, тогда нам легко давалась Европа, физически, разумеется. Нравственно-то, конечно, обходилось не без плетей. Напяливали шелковые чулки, парики, привешивали шпажонки — вот и европеец» (ДЗ0; 5: 56–57).

Достоевский постоянно «держит в уме» Россию: именно она *idée fixe* его путевых заметок.

Въехав во Францию и посвятив несколько страниц первым, сугубо *полицейским* впечатлениям от начавшейся поездки (об этом еще будет сказано ниже), Достоевский, наконец, достигает Парижа.

«Но не думайте, однако, — спешит он разочаровать читателя, — что я вам много расскажу собственно о городе Париже. Я думаю, вы столько уже перечитали о нем по-русски, что, наконец, уж и надоело читать» (ДЗ0; 5: 68).

Он старается подобрать к столице Франции исчерпывающий эпитет и торжественно возглашает (само собой, все в той же игровой тональности), что Париж «самый нравственный и самый добродетельный город на всем земном шаре» (ДЗ0; 5: 68). Он с жаром отвергает возможность обвинения, что его скепсис — «это все желчная патриотическая клевета».

«Но друзья мои, — говорит он, — ведь предупредил же я вас еще в первой главе этих заметок, что, может быть, ужасно навру. Ну и не мешайте мне. Вы знаете тоже наверно, что если я и навру, то навру, будучи убежден, что не вру. А, по-моему, этого уже слишком довольно. Ну так и дайте мне свободу» (ДЗ0; 5: 68).

И, сделав подобное признание, автор — неожиданно для читателей — оставляет Париж и направляется в Лондон.

«Доколе, Господи»: английский след

Никаких штампов и печатей в его заграничном паспорте (как это было при посещении им других стран) в данном случае не понадобилось. Англия — свободная страна.

Достоевский пробыл в Лондоне восемь дней. Глава, посвященная этому городу, называется кратко: «Ваал».

«Даже наружно, — говорит Достоевский, — какая разница с Парижем. Этот день и ночь суетящийся и необъятный, как море, город, визг и вой машин, эти чугулки, проложенные поверх домов (а вскоре и под домами), эта смелость предприимчивости, этот кажущийся беспорядок, который в сущности есть буржуазный порядок в высочайшей степени, эта отравленная Темза, этот воздух, пропитанный каменным углем, эти великолепные скверы и парки, эти страшные углы города, как Вайтchapель, с его полуголым, диким и голодным населением. Сити с своими миллионами и всемирной торговлей, кристальный дворец, всемирная выставка...» (ДЗ0; 5: 69).

(Не этими ли, в частности, картинами вдохновлялся М. Горький, когда писал свой «Город Желтого Дьявола»?)

Если Берлин напоминает Петербург, если Париж, пусть иронически, поименован эталоном добродетели, то британская столица — это нечто для русского сознания трудновообразимое. Это иной мир, страшный прообраз неотдаленного и всеобщего будущего. В первую очередь — Хрустальный дворец, где в 1851 г. была открыта «Великая Промышленная Выставка Всех Наций». Достоевский в эти подробности не входит, надеясь, очевидно, на осведомленность читателей. И хотя к моменту, когда в это чудо света (уже не относящееся к тем *святым* чудесам) ступила его нога, прошел добрый десяток лет, Хрустальный дворец продолжает поражать воображение современников. В 1859 г. его посетил Н. Г. Чернышевский, тайно приехавший в Лондон для переговоров с Герценом (Достоевский об этом пока ничего не знает). Увиденное сооружение столь поразило автора «Что делать?», что оно — в несколько облагороженном виде — возникло в четвертом сне Веры Павловны: правда, банальные железо и чугун находчиво заменены там стоящим пока дороже золота алюминием.

Взгляд Достоевского, некогда прельщаемый фаланстерами Фурье, ныне совсем иной. Он видит здесь финал мировой истории, ее завершающий, торжествующий акт. Но вместо ожидаемого ликования «вам отчего-то становится страшно» (*ДЗ0*; 5: 69). Достоевский не скрывает причины этого *несообразного* чувства («болезненный вздор, нервы, преувеличение»):

«Уж не это ли, в самом деле, достигнутый идеал? — думаете вы; — не конец ли тут? не это ли уж, и в самом деле, “едино стадо”. Не придется ли принять это, и в самом деле, за полную правду и занеметь окончательно? Все это так торжественно, победно и гордо, что вам начинает дух теснить <...> Это

Илл. 1. Здание Всемирной выставки в Лондоне 1862 года. («Crystal palace»).
Литография В. Тимма. 1862

Fig. 1. The 1862 World Fair building in London. (“Crystal palace”).
Lithograph by V. Timm. 1862

какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, какое-то пророчество из Апокалипсиса, в очию совершающееся»⁶⁾ (ДЗ0; 5: 69–70).

Пройдет два года — и цитадель прогресса явится в словах главного героя «Записок из подполья»:

«Вы верите в хрустальное здание, навеки нерушимое, то есть в такое, которому нельзя будет ни языка украдкой выставить, ни кукиша в кармане показать. Ну, а я, может быть, потому-то и боюсь этого здания, что оно хрустальное и навеки нерушимое и что нельзя будет даже и украдкой языка ему выставить» (ДЗ0; 5: 120).

Но пока в «Зимних заметках...» Достоевский замечает другую оппозицию Хрустальному дворцу. Он говорит, что «при такой колоссальности, при такой исполинской гордости владычествующего духа» голодная душа смиряется и ищет спасения в разврате и в джине. Полмиллиона работников и работниц, окруженные бегающими и ползающими между ними детьми, напиваются «как скоты» раз в неделю, в субботнюю ночь. И тогда «пивные лавки разубраны как дворцы» (курсив мой. — И. В.) (ДЗ0; 5: 70): не отрицательные ли это аналоги Хрустального дворца?

Однажды, во втором часу ночи, он заблудился в подобной толпе и «долго таскался по улицам», не зная языка и знаками выпрашивая дорогу. Впечатление этой ночи глубоко врезалось в сердце:

«И вы чувствуете, глядя на всех этих париев общества, что еще долго не сбудется для них пророчество, что еще долго не дадут им пальмовых ветвей и белых одежд и что долго еще будут они взывать к престолу всевышнего: “доколе, Господи”» (ДЗ0; 5: 71).

Другой (а может быть, той же) ночью Достоевский посещает Гай-Маркет, где «в некоторых улицах тысячами толпятся публичные женщины» (ДЗ0; 5: 71). Он заходит в казино: там гремит музыка, танцуют пары, и вообще толчется «бездна народу». Он наблюдает сцену, казалось бы, ничем не примечательную. Однако он *домысливает* ее — с поразительной художественной силой:

«Наверху, в галерее, я увидел одну девушку и остановился просто изумленный: ничего подобного такой идеальной красоте я еще не встречал никогда. Она сидела за столиком вместе с молодым человеком, кажется богатым джентльменом и, по всему видно, непривычным посетителем казино. Он,

⁶⁾ Впрочем, русский читатель 1863 г., избалованный постоянным умножением журнальной путевой прозы, не обратил особого внимания на обнародованный в февральском и мартовском выпусках «Времени» текст. Практически не отозвалась и критика, еще совсем недавно живо откликнувшаяся на «Записки из Мертвого дома». Достоевский, однако, включил «Зимние заметки...» в Собрание сочинений 1865 г., наряду с чисто художественными произведениями.

может быть, отыскивал ее, и наконец они свиделись или условились видеться здесь» (Д30; 5: 72).

Итак, Достоевского прежде всего поражает *красота*. (Заметим, что английских женщин — в отличие, вспомним, от дрезденских — он ценит чрезвычайно высоко: «Во всем мире нет такого красивого типа женщин, как англичанки» (Д30; 5: 71). Что нравилось ему в них: строгая чистота, благородство черт, скрытая за внешней холодностью страсть?) Взглянув на молодого человека, спутника девушки, он предполагает, что тот весьма состоятелен. При случае подобные наблюдения мог бы сделать любой из присутствовавших в казино. Но дальше под пером наблюдателя возникает *коллизия*:

«Он мало говорил с нею и все как-то отрывисто, как будто не о том, о чем они хотели бы говорить. Разговор часто прерывался долгим молчанием. Она тоже была очень грустна. Черты лица ее были нежны, тонки, что-то затаенное и грустное было в ее прекрасном и немного гордом взгляде, что-то мыслящее и тоскующее. Мне кажется, у ней была чахотка» (Д30; 5: 72).

Здесь уже просматривается некоторая интрига, предлагается некая психологическая догадка. Наблюдатель словно бы допускает наличие драмы, начавшейся ранее, но ныне совершающейся у него на глазах. Возможно, эта встреча для них роковая. Предполагаемая у девушки чахотка лишь подчеркивает трагизм ситуации. Тем более что развязка сцены далека от хеппи-энда.

Прекрасная незнакомка, по мнению автора, «не могла не быть выше всей этой толпы несчастных женщин своим развитием: иначе что же значит лицо человеческое? А между тем она тут же пила джин, за который заплатил молодой человек. Наконец он встал, пожал ей руку, и они расстались. Он ушел из казино, а она с румянцем, разгоревшимся от водки густыми пятнами на ее бледных щеках, пошла и затерялась в толпе промышляющих женщин» (Д30; 5: 72).

Собственно, это уже сюжет для небольшого рассказа (а может быть, и романа). В случайном «проходном» эпизоде автор «Белых ночей» различает глубокий жизненный смысл. При этом мы, нынешние, можем расценить эпизод как своеобразную творческую заявку: на создание художественного произведения — в стихах, в прозе или на экране. Достоевский словно дарит этот сюжет будущим подвижникам культуры.

Не уместно ли предположить, что Англия (и «английское») служит в этом случае испытательным полигоном для будущих романских сюжетов? Не поступает ли в чертах таинственной посетительницы казино гордый лик Настасьи Филипповны? Впрочем, можно указать еще на одного героя Достоевского чисто английского происхождения. Это — мистер Астлей, персонаж будущего «Игрока». Если он и не вполне «положительно прекрасный человек», то, во всяком случае, человек чести, истинный джентльмен, помогающий

другим персонажам словом и делом. В отличие от князя Мышкина, он деятелен и целеустремлен, он старается умерить чужие — низкие — страсти и в критический момент буквально спасает Полину. Английская невозмутимость и внутреннее благородство поставлены здесь на службу добра.

На этом «английский след» не заканчивается.

Сразу же после сцены в казино следует рассказ о ребенке, встреченном Достоевским в том же Гай-Маркете: не исключено, в ту же самую ночь:

«Помню раз, в толпе народа, на улице, я увидел одну девочку, лет шести не более, всю в лохмотьях, грязную, босую, испитую и избитую: просвечивавшее сквозь лохмотья тело ее было в синяках. Она шла, как бы не помня себя, не торопясь никуда, бог знает зачем шатаюсь в толпе; может быть, она была голодна. На нее никто не обращал внимания» (Д30; 5: 72).

«Дети — странный народ, они снятся и мерещатся» (Д30; 22: 13), — пишет он много лет спустя в «Мальчике у Христа на елке». Обездоленный герой этого рассказа насмерть замерзает в питерской подворотне — «за дровами». Между тем у маленького обитателя петербургских трущоб есть неведомая ему лондонская сестра. Она встает в один ряд с другими «обиженными девочками» Достоевского: с напоенной каким-то негодяем барышней на бульваре, которую пытается выручить Раскольников; с малолетней Матрёшей, грозящей «кулачонками» своему соблазнителю; с бедной Нелли (полуангличанкой!) из «Униженных и оскорбленных»...

«Слезинка ребенка» не имеет национальности:

«Но что более всего меня поразило — она шла с видом такого горя, такого безвыходного отчаяния на лице, что видеть это маленькое создание, уже несущее на себе столько проклятия и отчаяния, было даже как-то неестественно и ужасно больно. Она все качала своей включенной головой из стороны в сторону, точно рассуждая о чем-то, раздвигала врозь свои маленькие руки, жестикулируя ими, и потом вдруг сплескивала их вместе и прижимала к своей голенькой груди» (Д30; 5: 72).

Да, русская слеза не горше английской.

Однако пора задаться вопросом: только ли для приобретения местных впечатлений Достоевский пересек Ла-Манш? Не было ли у него еще одной, может быть, главной, цели?

«В знак глубочайшего уважения...»

В Лондоне уже много лет проживает русский изгнанник. Он выпускает «Колокол», «Полярную звезду» и другие издания, которые нелегально ввозятся в Россию. Имя его, на родине печатно не упоминаемое, обладает, тем не менее, магической силой.

Трудно сказать, планировал ли Достоевский встречу с Герценом, выезжая из Петербурга. Но, приехав в Лондон, он не мог не посетить автора «Былого и дум».

Первый вольный русский печатный станок заработал в 1853 г.: Достоевский еще избывал последний год сибирской каторги. Но даже после смерти императора Николая в семипалатинскую глушь вряд ли доходили подробные сведения из туманного Альбиона (хотя о *новой* деятельности Герцена Достоевский мог знать). Конечно, вернувшись в Петербург, автор «Бедных людей», скорее всего, был вполне осведомлен о деятельности «Вольтера XIX века», как поименуют впоследствии Искандера на его погребальном венке. Тем более что в «Полярной звезде», как будет сказано ниже, затрагивалась тема петрашевцев.

Издания Герцена проникали повсюду:

«Весной 1857 г. во время заседания Государственного совета граф С. Г. Строганов оторвал клочок бумаги и написал сидевшему рядом шефу жандармов князю В. А. Долгорукову: “Не хотите ли, князь, я уступлю Вам “Полярную звезду” за 5 р. серебром, за что сам купил?” Долгоруков также на клочке отвечал ему: “Лучше скажите мне, откуда достаете Вы так дешево эту книгу?”» [Эйдельман: 17].

Такие рискованные шутки шутят высшие сановники империи. В вопросе шефа жандармов различимо не одно лишь удивление «дешевизной» запрещенного издания (на самом деле — цена вовсе не малая), но и намек — надо полагать, также не без *подковырки* — о желательности узнать источник столь счастливых приобретений.

«Отчего мы молчим? — писал Герцен (Искандер) в первом же своем воззвании “Братьям на Руси”. — Неужели нам нечего сказать? Или неужели мы молчим оттого, что мы не смеем говорить? Дома нет места свободной русской речи, она может раздаваться инде, если только ее время пришло»⁷⁾.

Достоевский, как сказано, третий год пребывает на омской каторге. Ему есть, что сказать.

«Присылайте, что хотите, — продолжает Искандер свое обращение к соотечественникам, — все писанное в духе свободы будет напечатано, от научных и фактических статей по части статистики и истории до романов, повестей и стихотворений. Мы готовы даже печатать безденежно. Если у вас нет ничего готового, своего, пришлите ходящие по рукам запрещенные стихотворения Пушкина, Рыльева, Лермонтова, Полежаева, Печерина и др.»⁸⁾.

⁷⁾ Десятилетие вольной русской типографии в Лондоне. Сборник ее первых листов, составленный и изданный Л. Чернецким. Лондон: Вольная русская типография, 1863. С. 3.

⁸⁾ Там же. С. 5.

Имя Белинского здесь не названо. Но первый же выпуск «Полярной звезды» (1855) открывается его перепиской с Гоголем — тем самым текстом, за публичное произнесение которого Достоевский схлопотал свои четыре каторжные года (если не считать *первоначальную* смертную казнь).

Но тут скрывается еще один поворот сюжета.

Не посещала ли Достоевского мысль, что Герцен в конце концов осуществил его давний замысел? Ведь именно он, автор «Двойника», был деятельным участником спешневской семерки и пытался внушить одному из своих товарищей идею первой в России подпольной типографии.

В 1885 г. Аполлон Николаевич Майков признался (и это было засвидетельствовано письменно), что незадолго до ареста к нему заходил Достоевский с предложением примкнуть к группе настоящих заговорщиков, задумавших завести в Петербурге тайное печатание:

«...Петрашевский, мол, дурак, актер и болтун, у него не выйдет ничего путного, а что люди поделнее из его посетителей задумали дело, которое Петрашевскому неизвестно, и его туда не примут...» [Покровская: 268].

На вопрос Майкова, с какой целью замышляется «особое тайное общество с тайной типографией для печатания разных книг и даже журналов», Достоевский отвечал:

«— Конечно, с целью произвести переворот в России. Мы уже имеем типографский станок, его заказывали по частям в разных местах (очевидно, с целью конспирации. — *И. В.*), по рисункам Мордвинова; все готово»⁹⁾.

Оставшийся ночевать у Майкова Достоевский, восседая, как умирающий Сократ перед друзьями, в ночной рубашке с незастегнутым воротом, напругал все свое красноречие, дабы убедить собеседника в святости этого дела. Речь шла не более и не менее как «о нашем долге спасти отечество и пр.»... Аполлон Майков, невзирая на то, что он истинный поэт, решительно отказался.

“Итак — нет?” — заключил Достоевский. — “Нет, нет и нет”. Утром, уходя после чая, ночной гость предостерег: “Не нужно говорить об этом — ни слова”. — “Само собой”» [Покровская: 268].

Безумный замысел почти удался. На квартире Спешнева был собран типографский станок. Уж не письмо ли Белинского Гоголю намеревались предать тиснению незадачливые типографы?

Этот сюжет по ряду причин был замят следствием и практически изъят из дела. Недаром Достоевский позднее заметит: «Целый заговор пропал»¹⁰⁾.

⁹⁾ Исторический архив. 1956. № 3. С. 224.

¹⁰⁾ Подробнее об этом и о других обстоятельствах дела петрашевцев см. в кн.: [Волгин, 2017b].

Подобный «заговор» через четыре года фактически осуществил Искандер — правда, в свободном «от их всевидящего глаза» Лондоне. Он мог встретиться с Достоевским не только как писатель с писателем, но и — как типограф с типографом.

Будущий автор «Зимних заметок...» является к Герцену 4 (16) июля 1862 г.

До их лондонской встречи они виделись только единожды — 5 октября 1846 г. «Не могу сказать, что впечатление было особенно приятно» [Герцен, 1961: 259], — заметил тогда Герцен. В свою очередь, Достоевский писал брату Михаилу:

«Явилась целая тьма новых писателей. Иные мои соперники. Из них особенно замечателен Герцен (Искандер) и Гончаров <...> Их ужасно хвалят. Первенство остается за мною покамест и надеюсь, что навсегда» (ДЗ0; 28₁: 120).

Теперь, в 1862 г., они давно не соперники: у них разные поприща. Но, принадлежа к одному, не столь широкому в России, интеллектуальному кругу, они не могут не помнить друг о друге.

Планировалась ли поездка в Лондон заранее или мысль о ней явилась, так сказать, по ходу дела? Еще 26 июня / 8 июля в письме к Н. Н. Страхову из Парижа (другие письма Достоевского из-за границы до нас не дошли) он сообщает, что собирается оттуда отбыть не ранее 15 (27) июля. Подразумевается, что все это время он будет оставаться в Париже. В обозначенном им дальнейшем европейском маршруте Лондон также не упомянут.

Около 12 июля (т. е. через 4 дня после письма Страхову) он выезжает в столицу Британии. Он пробудет там 8 дней — до 20 июля.

Кстати: кто дал Достоевскому адрес (Герцен в это время проживал в Паддингтоне)? Не зная ни слова по-английски, он, разумеется, должен был озаботиться этим заранее. С другой стороны, адрес не являлся секретом.

«Приезжий в Лондон, — пишет В. И. Кельсиев, — обыкновенно изъявлял Трюбнеру (издатель герценовских сочинений. — И. В.) желание удостоиться счастья познакомиться с Герценом. Трюбнер давал адрес и приглашал написать записку. В ответ на эту записку Герцен назначал свидание или у себя или у приезжего, если последнему почему-нибудь не хотелось, чтобы его видели в доме Герцена»¹¹).

Трудно сказать, подвергся ли Достоевский этой процедуре. Но вряд ли он явился в дом лондонского изгнанника без предварительного оповещения.

«Такие случаи бывали очень часто, — продолжает Кельсиев. — Лица очень высокопоставленные никогда не входили в дом Герцена <...> Собственные имена в доме Герцена не произносились или произносились очень редко».

¹¹) В. И. Кельсиев — человек, близкий к Герцену, сотрудник его изданий, позднее раскаявшийся в своей зарубежной деятельности, вернувшийся в Россию и прощенный властью.

Сознавал ли Достоевский степень риска? Бывший политический преступник, недавний каторжанин, впервые по высочайшему разрешению выпущенный за границу, он не мог не понимать, что любой контакт с издателем «Колокола» может негативно сказаться на его политической репутации и, может быть, — на его литературной судьбе.

«Серьезные свидания, — отмечает Кельсиев, — составляли, как я сказал, тайну Герцена и Огарева. Свидания и приемы несерьезные делались раз в неделю (впоследствии два раза), в назначенный день, обыкновенно в воскресенье, с пяти часов вечера»¹²⁾.

4/16 июля 1862 г. не было выходным. Это была среда. Свидание, скорее всего, состоялось без посторонних глаз.

Достоевскому не надо было рекомендоваться: он как бы возобновлял давнее знакомство. (В пользу заранее посланной записки говорит то обстоятельство, что Достоевский посещает Герцена лишь на четвертый-пятый день после прибытия в Лондон). Но у Герцена были еще и дополнительные причины желать этой встречи.

Во «Времени» из месяца в месяц печатаются «Записки из Мертвого дома». «Где найти мне Достоевского, воспоминания о каторге», — спрашивает Герцен Тургенева 19 мая (за два месяца до визита автора). И пару дней спустя просит того же корреспондента прислать ему на адрес Трюбнера все те же «Записки...» (ГЗ0; 27₁: 221–222)¹³⁾. Неизвестно, отозвался ли Тургенев, но еще через две недели, при посещении Герцена А. Н. Островским и И. Ф. Горбуновым речь снова заходит о том же предмете¹⁴⁾. И наконец лично явившийся автор дарит хозяину дома переплетенные главы «Записок...», напечатанные во «Времени» (отдельного издания еще нет). И если главы из журнала Достоевский переплетает еще в Петербурге и берет их с собой, не означает ли это, что он намеревался кому-то конкретно их подарить? И, следовательно, поездка через Ла-Манш не была столь уж внезапной.

Даритель «Записок...» делает лаконичную надпись:

«Александрю Ивановичу Герцену в знак глубочайшего уважения от автора» (ДЗ0; 30₂: 58).

Это не просто ритуальный акт вежливости: скорее, констатация реального положения дел. Конечно, Достоевский в первую очередь свидетельствует свое уважение к *литератору*. Однако он не может не помнить, что указан-

¹²⁾ «Исповедь» В. И. Кельсиева / подгот. к печ. Е. Кингисепп; вступ. ст. и коммент. М. Клевенского // А. И. Герцен. М., 1941. С. 273–274. (Литературное наследство; т. 41/42.)

¹³⁾ Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954–1966. Здесь и далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения ГЗ0 и указанием тома, полутома (нижний индекс) и страницы в круглых скобках.

¹⁴⁾ Островский А. Н. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.: Гослитиздат, 1952. Т. 12. С. 520. См. также: «Дневник» Горбунова // Сочинения И. Ф. Горбунова. СПб., 1907. Т. 3. Ч. 4. С. 410–411.

ное лицо — самый убежденный политический противник *режима*. Правда, были серьезные основания верить, что эта журнальная *улика* никогда не дойдет до властей.

Между тем русские писатели не столь редкие гости в доме Герцена. Иные из них с ним переписывались. В первую очередь, И. С. Тургенев — давний приятель и усердный поставщик новостей. О посещении А. Н. Островского уже говорилось выше. 19 июня 1862 г. к Герцену заявляется А. Ф. Писемский. «Были сильные и сильно неприятные объяснения» (Г30; 27: 241), — записывает посещаемый. Возможно, гости при этом дарили свои труды.

Л. Н. Толстой знакомится с хозяином дома в роковые минуты. Это — первые числа марта 1861 г.: лихорадочное ожидание уже подписанного Александром II, но еще не обнародованного манифеста об освобождении крестьян. «Эти дни — не жизнь, а судорожное пережигание себя», — пишет Герцен Тургеневу. «Духу не достало!» — так назовет он свою статью в «Колоколе»¹⁵⁾, сетуя на «пансионские затеи» правительства, опасавшегося волнений и страшившегося возвестить о народной свободе ранее наступления Великого поста.

Лев Толстой пробыл в Лондоне неделю и виделся с Герценом «почти каждый день» (Т30; 75: 71)¹⁶⁾. Герцен понравился автору «Севастопольских рассказов»: «Живой, отзывчивый, умный... Я ни у кого уже потом не встречал такого редкого соединения глубины и блеска мыслей», — скажет позднее Толстой (см.: [Сергеенко: 13]). И подтвердит еще раз: «...были разговоры всякие и интересные» (Т30; 75: 71).

Надо полагать, не менее интересные разговоры были и с Достоевским: правда, их содержание до нас не дошло.

«Вчера был Достоевский, — пишет Герцен Огареву 17 июля, — он наивный, не совсем ясный, но очень милый человек. Верит с энтузиазмом (так! — *И. В.*) в русский народ» (Г30; 27: 247). Определение совсем иное, нежели аттестация 1846 года. «Наивный» — то есть, очевидно, идеологически не столь искушенный, как сам Герцен, слишком доверчивый и т. д. Казалось бы, говорить о наивности такого писателя, как Достоевский, довольно странно. Однако вспомним признания Анны Григорьевны Достоевской — о порой ребяческом простодушии ее мужа. «Не совсем ясный» — тоже можно понять: Герцену нелегко постигнуть конечную суть убеждений гостя (он и о Толстом писал Тургеневу: «...упорен, говорит чушь, но простодушный и хороший человек» — Г30; 28: 139). О Достоевском сказано: «очень милый». Очевидно, *человеческое* — главное для Герцена. И то, что гость с энтузиазмом «верит в русский народ», несомненно, должно сближать его с хозяином дома.

Не лишено оснований предположение, что на следующий день, 17 июля, они снова сошлись. В донесении агента III Отделения отчетливо сказано,

¹⁵⁾ Колокол. 1862. № 94. Л. 94.

¹⁶⁾ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958. Здесь и далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Т90, указанием тома и страницы в круглых скобках.

что, будучи в Лондоне, Достоевский «свел там дружбу с изгнанниками Герценом и Бакуниным»¹⁷⁾. Из материалов III Отделения следует, что шефом жандармов В. А. Долгоруковым Достоевский был отнесен не просто к числу случайных посетителей Герцена, а к категории лиц, которые участвовали «более или менее в преступных его намерениях» [Коган: 596].

Нам ничего не известно о контактах Достоевского с главным русским анархистом. Но 5/17 июля «между 4 ½ и 5 ½ часами» Бакунин предполагал быть у Герцена¹⁸⁾.

На следующий день, 18 июля, Герцен посещает русский отдел Всемирной выставки, то есть Хрустальный дворец. Не пригласил ли лондонский *абориген* российского гостя ему сопутствовать? Или — что еще вероятнее — не попросил ли Герцена сам Достоевский: быть его *vade mecum*¹⁹⁾.

7/19 июля они встречаются вновь. Герцен дарит Достоевскому свою фотографию (работы С. Л. Левицкого) с надписью: «В знак глубочайшей симпатии от А. Герцена»²⁰⁾ (ГЗ0; 27₁: 543). Это, очевидно, симметричный ответ на «глубочайшее уважение». Впрочем, фамилия одаряемого в тексте отсутствует. Может быть, даритель опасается, что по возвращении в Россию у владельца фотографии могут возникнуть неприятности?

Достоевский не остается в долгу. На следующий день, отъезжая в Париж, он, в свою очередь, презентует отзывчивому хозяину собственное изображение: «Александр Ивановичу Герцену в память нашего свиданья в Лондоне от Ф. Достоевского. 8 (20) июля 1862 года»²¹⁾. Обмен вещественными знаками невещественных отношений (как выразился бы писатель Гончаров) навсегда останется в памяти века.

Итак, позволительно сделать вывод, что с момента первой встречи с Герценом 4/16 июля и до отъезда Достоевского из Лондона июля 20-го они общались практически каждый день. Конечно, если еще не предполагать (это было бы слишком!), что Герцен сопровождал Достоевского во время его ночных скитаний в Гай-Маркете.

Разумеется, в «Зимних заметках о летних впечатлениях» о встречах с издателем «Колокола» не будет сказано ни слова. При этом ни с кем во время первой заграничной поездки Достоевский не общался столь тесно. Кроме, пожалуй, Н. Н. Стрехова, когда они вместе проводили время в Швейцарии

¹⁷⁾ ГА РФ. Ф. 109 (III Отд.). 1 эксп. Д. 230. Ч. 82. Л. 1. См. также: [Коган: 596].

¹⁸⁾ Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. С приложением его памфлетов, биографическим введением и объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова. Женева, 1896. С. 82–83. По-видимому, этот визит не состоялся.

¹⁹⁾ С лат. «иди со мной». В «Божественной комедии» эти слова Вергилий адресует Данте и приглашает последнего в путешествие по аду.

²⁰⁾ Место хранения оригинала: Музей ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. № 28404. Впервые опубли.: Описание изобразительных материалов Пушкинского Дома. М.; Л., 1962. [Т.] VII. С. 65. Надпись сделана на обороте фотографии, выполненной С. Л. Левицким в 1861 г. в Париже. Адресат устанавливается предположительно, в связи с тем, что фотография поступила в музей в составе собрания А. Г. Достоевской.

²¹⁾ Литературная газета. 1992. 8 апреля. № 15. С. 6.

и Италии, и который, кстати, тоже не упомянут в «Зимних заметках...». Как сказано выше, это очень выборочный текст.

И еще одна любопытная подробность, не привлекавшая доселе внимания исследователей. 7/19 июля Герцен пишет в Париж С. А. Левицкому, чью авторскую фотографию со своим изображением он только что подарил российскому гостю:

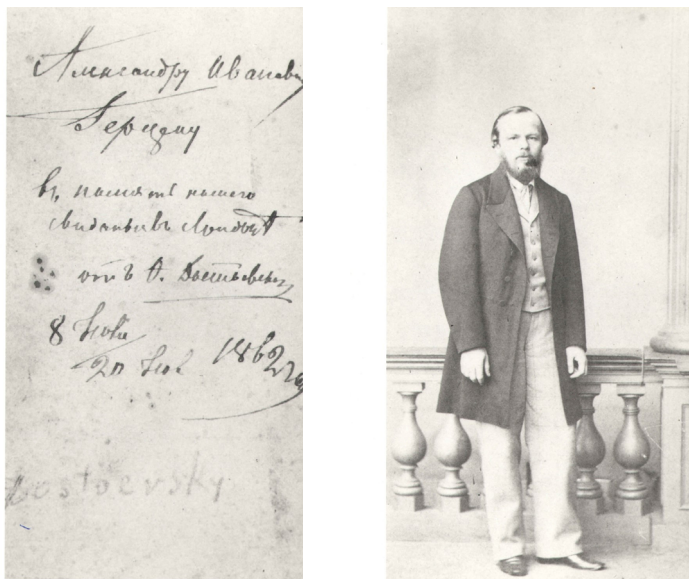
«К тебе приедет наш знаменитый Достоевский. Он хочет Ольгин портрет — если есть, дай»²²⁾.

Илл. 2. А. И. Герцен.
Фотография С. Левицкого. Париж. 1861
Fig. 2. A. I. Herzen.
Photo by S. Levitsky. Paris. 1861

²²⁾ Записки Отдела рукописей Государственной Ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1976. С. 217.

Почему вдруг Достоевский заинтересовался 11-летней дочерью Искандера? А, скажем, не другими детьми Герцена — например, той же Лизой, о самоубийстве которой он напишет через много лет в «Дневнике писателя»? (4-летняя Лиза присутствовала при визите Л. Толстого. В подтверждение своих слов о нем, как о хорошем человеке, Герцен сообщает Тургеневу: «...даже Лиза Огарева его полюбила и называет “Левостой”» (Г30; 27₁: 139)).

Илл. 3. Фотография Достоевского, подаренная им Герцену, и дарственная надпись на обороте. Фото М. Б. Тулинова¹

Fig. 3. Photo of Dostoevsky presented by him to Herzen, and the gift inscription on the back. Photo by M. B. Tulinov

Объясняется это просто: Лиза вместе со своей матерью Н. А. Тучковой-Огаревой находилась в это время в Коусе — поселке на севере острова Уайт у моря. Ольга же оставалась с отцом в Лондоне. В десятых числах июля она заболела ветрянкой. Однако вскоре девочка пошла на поправку. И 17 июля, как удовлетворенно отмечает Герцен, «первый раз вышла в сад» (Г30; 27₁: 247). Скорее всего, именно в этот день Ольгу мог видеть Достоевский (что лишний раз подтверждает его повторное — после 16 июля — присутствие в доме). Он, все еще бездетный, запомнил ребенка — как запомнил, хотя и по другим основаниям, несчастную нищенку в Гай-Маркете. Оля ему, очевидно, понравилась: возможно, они даже немного потолковали (даром, что девочка не говорила по-русски). Достоевский просит ее фотографию: это должно быть приятно отцу (см. Илл. 4).

Ольга Герцен родилась 25 ноября 1850 г. — в разгар романа «железного жаворонка», немецкого поэта Георга Гервега с Натальей Александровной

Герцен — и теоретически могла быть его дочерью. Существует одно свидетельство, что Герцен выказывал подобное подозрение²³⁾. Разумеется, об этих тонкостях Достоевский не догадывался.

Герцена и двух его дочерей — Наталью и Ольгу — Достоевский, путешествующий вместе с А. П. Суловой, встретит через год — 13 октября 1863 г.: на пароходе, следующем из Неаполя в Ливорно. В Ливорно они вместе отобедают.

«Вторую же дочь Герцена, самоубийцу (на самом деле, это была не Лиза, а Ольга. — И. В.), я [запомнил] видел лишь однажды, — пишет Достоевский в черновиках к октябрьскому выпуску «Дневника писателя» 1876 г. — и именно в [этом] это же путешествие и [потом] на другой день у них за обедом, в Генуе (на самом деле — Ливорно. — И. В.). Ей было тогда лет одиннадцать или двенадцать, но я резко ее запомнил. (Полагаю, что это была она, то есть самоубийца, потому что у Герцена, сколько запомню, было только две дочери и сын.) Это был [чрезвычайно] довольно грациозный ребенок, за столом она несколько конфузилась, помню, за ней очень ухаживали, после обеда она пошла и легла на кровать, под предлогом, что у ней разболелась голова, но, однако же, простилась со мной смеясь и пожелав еще раз непременно со мной увидеться» (ДЗ0; 23: 324).

Достоевский запомнил, что эту девочку он впервые видел годом раньше, в 1862-м, и даже хотел иметь ее фотографию. Дал ли ему Левицкий этот дагерротип?

Илл. 4. Ольга Герцен в 6 лет
(Дом-музей А. И. Герцена)
Fig. 4. Olga Herzen at the age of 6
(A. I. Herzen House Museum)

²³⁾ Внук А. И. Герцена, Н. А. Герцен, писал М. Гершензону: «Вы, несомненно, сами помните, что дедушка высказывал некоторые сомнения о своем отцовстве по отношению к моей тетке Ольге» (цит. по: [Житомирская: 608]. См. об этом также: [Паперно]).

Когда в 1876 г. он будет писать о самоубийстве Лизы Герцен (лишь недавно узнавший, что она дочь Герцена, а не Огарева), то — с подачи К. П. Победоносцева — спутает ее с Ольгой. Может быть, еще этим объясняется горечь его размышлений.

Ольга Александровна Герцен вышла замуж за французского историка Габриэля Моно. Она дожила до 103 лет и скончалась уже в «наше время», в 1953 г. (когда автору этих строк, как и ей тогда, было 11 лет). Вспоминала ли она *милого* русского, посетившего ее отца летом 1862 г., с которым она «простилась, смеясь», пожелав ему встретиться с ней еще раз?

«Однажды, разговаривая с покойным Герценом, — замечает Достоевский во вступлении к “Дневнику писателя” 1873 г. — я очень хвалил ему одно его сочинение — “С того берега”» (ДЗ0; 21: 8).

Это случилось как раз во время их итальянской встречи. Но Достоевский не уточняет время и место. Так же как никогда не упомянет он о своем лондонском визите.

Что происходит в Северной Пальмире

Не пора ли, однако, остановиться на историческом или, если угодно, событийном подтексте «Зимних заметок...»? Вернее, на том, что происходило в Петербурге накануне и во время заграничного путешествия их автора. Эти *летние впечатления*, хотя и оставшиеся за пределами «Зимних заметок...», оказались далеко не безразличными ни для российской истории, ни для самого Достоевского.

Как помним, 7 (19) июня, ровно за месяц до встречи с Герценом, он выезжает из Петербурга. Прошла всего неделя после прекращения грандиозных майских пожаров, охвативших северную столицу: сгорели Толкучий рынок, Апраксин двор, Министерство внутренних дел, десятки домов на Лиговском проспекте, в Солдатской слободе, на Малой и Большой Охте... Император Александр II, явившийся на пожар и прошедший пешком от Чернышёва моста до Садовой улицы, возможно, повторял про себя строки из «Медного всадника», вложенные Пушкиным в уста его дяди, императора Александра I: «С Божией стихией Царям не совладать». Молва, правда, не очень-то верила в божью стихию. Ходили упорные слухи, что поджигают нигилисты (только недавно вышли «Отцы и дети»), студенты и, возможно, поляки. Власть, понятно, с опровержениями не спешила.

В эти дни, в конце мая 1862 г., Достоевский неожиданно посещает Н. Г. Чернышевского. Он предъявляет ему найденную на ручке своей двери прокламацию «Молодая Россия» (вспоминая это, Достоевский ошибочно именуется «К молодому поколению»: последняя была написана Шелгуновым осенью 1861 г.). Позже в «Дневнике писателя» он засвидетельствует, что просил тогда Николая Гавриловича воздействовать на безумных авторов

этой возмутительной бумаги. Сам же Чернышевский говорит, что Достоевский горячо просил его остановить бедствие: «Вы близко знаете людей, которые сожгли Толкучий рынок, и имеете влияние на них. Прошу вас, удержите их от повторения того, что сделано ими»²⁴.

Следует, однако, согласиться с хорошо аргументированным мнением, что речь Достоевский вел исключительно о прокламации, а вовсе не призывал Чернышевского остановить пожары, к которым его собеседник не имел ни малейшего касательства. Спустя много лет, автор «Что делать?» просто контаминировал эти сюжеты [Розенблюм: 39]. Едва ли не в день визита Достоевского к Чернышевскому (30 или 31 мая) гостем была написана для «Времени» статья «Пожары». В ней автор самым категорическим образом отвергает подозрения в адрес «наших бедных студентов»:

«Там, где делается самый страшный упрек русскому юношеству, посвятившему себя науке, на которое справедливо возлагаются надежды всей мыслящей России, нельзя молчать» [Розенблюм: 49]²⁵.

Более того, Достоевский выказывает дерзкое предположение, что подобные толки не могли возникнуть в народе сами собой, «а очень может быть, они перешли в него извне». Это почти прямой намек на возможность спланированной (не исключено, с участием правительства) провокации. Недаром император, прочитавший статью в гранках (об этом речь впереди), отчеркнул эти слова карандашом на полях.

Во всей периодике того времени мы не встретим столь откровенной и страстной защиты студенческого сословия. О самой же прокламации «Молодая Россия» Достоевский говорит, что, скорее всего, ее составители — «три золотушных школьника, из которых старшему уже, наверное, не более

Илл. 5. Пожар в Апраксином дворе
28 мая 1862 г. Литография

Fig. 5. Fire in the Apraksin Dvor
on May 28, 1862. Lithography

²⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1939. Т. 1. С. 187. Этот сюжет рассмотрен также в содержательной книге В. К. Кантора ««Срубленное дерево жизни». Судьба Николая Чернышевского» — см.: [Кантор: 263–265].

²⁵ Аргументы в пользу авторства Ф. М. Достоевского см. в указанном томе «Литературного наследия»: [Розенблюм].

тринадцати лет»²⁶). Он не столь сильно ошибался. Сочинителем, призывавшим к большой крови, беспощадному террору и истреблению династии, оказался 20-летний П. Заичневский, студент физико-математического факультета Московского университета. Написавший свою *пламенную* бумагу («революция, революция, кровавая и неумолимая») в дни полицейской отсидки, он изрядно напугал Петербург и одновременно споспешествовал явному повороту общественного мнения в пользу существующей власти. Иными словами, добился результата, прямо противоположного ожидаемому²⁷).

Толков относительно поджогов было не счесть. Но в том, что это именно поджоги, были уверены практически все. Причем обсуждались версии самые невероятные.

«Говорят тоже, что в заговоре Петрашевский; была программа пожаров и что эта программа сбывается», — пишет М. Г. Карташевская В. С. Аксаковой 26–27 мая 1862 г. (цит. по: [Розенблюм: 26]). И много позже, в примечаниях к письмам Ф. И. Тютчева жене, многознающий И. П. Бартенев отметит: «Поджоги велись по тому самому плану, который был составлен еще в 1849 г. Петрашевским с братиею. Слышал от И. П. Липранди»²⁸).

Знал ли Достоевский об этих слухах? Среди «братии» мог, естественно, находиться и он сам. Но неужели Липранди, досконально знавший дело петрашевцев, был распространителем этих пиротехнических баек? Петрашевскому, доживавшему свои дни в сибирской глуши (в том числе, некоторое время в «ленинском» Шушенском!), возможно, польстили бы эти наветы. Но Достоевскому они вряд ли понравились бы. М. Г. Карташевская пишет о петербургских событиях: «Разбойники!.. <...> Тут, конечно, не без Герценовского участия» (цит. по: [Розенблюм: 26]) (мнение отнюдь не исключительное: так, в Берлине появились изображения Герцена, поджигającego северную столицу). Итак, Герцен, Петрашевский и — потенциально — Достоевский оказываются в одной компании.

Что пожары «в связи с прокламациями, — пишет 6 августа / 25 июля 1862 г. К. Д. Кавелин Герцену (Герцену!), — в этом нет теперь ни малейшего сомнения». То есть транслирует точку зрения *большинства*. «Аресты, — замечает тот же корреспондент, — меня не удивляют; и признаюсь тебе, не кажутся возмутительными»²⁹). Кавелин надеется найти в старом приятеле сочувствие и понимание.

²⁶) По поводу этих строк М. М. Достоевский 8 июня (на следующий день после отъезда брата) был вызван в Следственную комиссию — с требованием назвать имена «трех золотушных школьников». Михаилу Михайловичу пришлось оправдываться, что указанный пассаж — не более чем литературное выражение.

²⁷) См.: [Козьмин].

²⁸) Русский архив. 1899. № 8. С. 594. См. также: [Розенблюм: 26].

²⁹) Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. Genève: H. Georg, Libraire éditeur, 1892. С. 80–82.

Кстати, отдавая должное прошлым заслугам Герцена, радикальнейший автор «Молодой России» упрекает его в идейной отсталости, утрате «революционного задора» и т. д. Наверное, эти материи мало волновали Достоевского. Но можно ли сомневаться в том, что тема пожаров и «Молодой России» затрагивалась во время лондонской встречи?

Еще до отъезда Достоевского М. Н. Катков в легальной печати (впрочем, не называя запрещенного имени) напишет о «свободном артисте», который «уже серьезно воображает себя представителем русского народа, решителем его судеб» и который «вербует себе приверженцев во всех уголках Русского царства, и сам, сидя в безопасности за спиной лондонского полисмана, для своего развлечения высылает их на разные подвиги, которые кончаются казематами или Сибирью...»³⁰⁾.

Фактически Катков обвинял лондонского изгнанника в идейной провокации и подстрекательстве тех самых студентов, в защиту которых выступил Достоевский.

В день, предшествующий отбытию автора «Записок из Мертвого дома» в Европу, в «Современной летописи» появляется новая статья Каткова «Наши заграничные refugies³¹⁾...»:

«Недавно случилось нам упомянуть о русских агитаторах, проживающих комфортабельно за морями: разве то, что они делают, не те же поджоги? Или они так невинны, что не понимают, к чему клонятся их манифесты?»³²⁾.

Статья была доложена царю и им одобрена. Это означало, что отныне с лондонскими изгнанниками не возбраняется диалог.

Очевидно, поэтому — на сей раз в «Русском вестнике» — публикуется катковская «Заметка для издателей “Колокола”», где имя Герцена обозначено гласно. Катков дает здесь полную волю своему, по уверению В. В. Розанова, золотому перу:

«Он, — говорится о Герцене, — остался все тот же — недоносок на всех поприщах, — кипящий раздражением пленной мысли, бесспорно утвердивший за собой только одно качество, — качество бойкого остряка и кривляки...»³³⁾.

Затрагивается в катковской статье и «Молодая Россия», в связи с которой Достоевский недавно решил побеспокоить Чернышевского. И тут Герцену навязывается та роль, от которой Достоевский хотел бы предостеречь главного сотрудника «Современника»:

³⁰⁾ Современная летопись. 1862. 16 мая. № 20. С. 11–13.

³¹⁾ Беженцы (франц.).

³²⁾ Современная летопись. 1862. 6 июня. № 23.

³³⁾ Русский вестник. 1862. № 6. С. 837.

«Бездушный фразер, не видит, в чем уголовщина. Ему ничего, — пусть прольется кровь этих “юношей-фанатиков”! Он в стороне, — пусть она прольется»³⁴⁾.

На сокрушительную статью Каткова Герцен ответил не менее сокрушительно — в «Колоколе» от 15 июля. То есть буквально накануне (за день) до своей встречи с Достоевским. Упоминается в этой статье и дошедшая наконец до Лондона «Молодая Россия»:

«Мы прочли его (текст прокламации. — *И. В.*), — пишет Герцен, — раз, два, три раза... со многим очень не согласны <...> но, по совести, признаемся, не понимаем ни белую горячку правительства, ни хныканье добросовестных журналов, ни душесмятения <...> платонических любовников прогресса»³⁵⁾.

Но еще ранее, 22 июня, в день, когда Достоевский перемещался между Берлином и Дрезденом, в «Колоколе» появилась статья Искандера (И-р) «Дурные оружия» (Достоевский мог видеть этот номер «Колокола» по дороге в Лондон или у Трюбнера), где автор жестко отвечал на инсинуации «Современной летописи»:

«Но что нас удивило — это отсутствие того такта, того декорума, того нравственного чутья, по которому человек никогда не берется за некоторые оружия. Как могли они под влиянием раздраженного самолюбия наклониться до полицейской лужи и с ее дна брать камень для своего праща»³⁶⁾.

(Эти *разборки* стали первым сигналом близкого общественного поворота: от Герцена — к «закону и порядку». Поворота, который был довершен польским восстанием 1863 г.)

Не приходится сомневаться, что в дни лондонского общения указанные темы так или иначе затрагивались собеседниками. Не об английской же погоде было им толковать.

Странные сближенья

Вспоминая в «Былом и думах» пик своей популярности (1857–1863), Герцен писал:

«Кого и кого мы не видали тогда!.. как многие дорого заплатили бы теперь (1867 г. — *И. В.*), чтобы стереть из памяти, если не своей, то людской, свой визит... Но тогда, повторяю, *мы были в моде*» (ГЗ0; 11: 297).

Герцен вспоминает эти тайны лондонского двора не без некоторого ностальгического чувства:

³⁴⁾ Там же.

³⁵⁾ Колокол. 1862. 15 июля. Л. 139.

³⁶⁾ Колокол. 1862. 22 июня. Л. 137.

«“Колокол” — власть», — говорил мне в Лондоне, *horribile dictu*³⁷⁾, Катков и прибавил, что он у Ростовцева лежит на столе для справок по крестьянскому вопросу... И прежде его повторяли то же и Т<ургенев>, и А<ксаков>, и С<амарин>, и К<авелин>, генералы из либералов, либералы из статских советников, придворные дамы с жадной прогресса и флигель-адъютанты с литературой...» (ГЗ0; 11: 301).

С Михаилом Никифоровичем Катковым Достоевский близко сойдется позже: в «Русском вестнике» будут напечатаны четыре романа из «великого пятикнижия». При этом отношения с издателем будут далеко не безоблачными³⁸⁾.

Но вернемся к другой, петербургской встрече — за несколько дней до отбытия одного из ее участников в Европу. Чернышевский объясняет незапный визит к нему Достоевского тем, что писатель «имеет нервы, расстроенные до беспорядочности, близкой к умственному расстройству». И все-таки, зная об этом, посещаемый не полагал, что болезнь гостя «достигла такого развития»³⁹⁾. Все это заявляется через много лет, *задним числом*. В этой ретроспекции аккумулированы позднейшие толки о покойном писателе, воспроизведен привычный миф, утвердившийся в массовом сознании. Герцен, беседовавший с Достоевским несколько недель спустя, не усматривает в его поведении никаких отклонений. Разве что «не вполне ясный». Это, однако, не диагноз.

Между тем причин для беспокойства у Достоевского было более чем достаточно. Хотя он пока ничего о них не ведал.

Речь идет о судьбе его любимого детища — журнала «Время».

Цензурное разрешение на выход шестого номера «Времени» (откуда была изъята статья «Пожары») — 8 июня 1862 г.: накануне, 7-го, Достоевский отбыл из Петербурга. Едва ли он мог предположить, что гранки запрещенной статьи лягут на стол к императору.

«Кем написана?» — строго спросит Александр II: его карандашные пометы остались (о чем уже говорилось выше) на цензурном экземпляре. Неясно, получил ли царь исчерпывающий ответ: потенциальным автором мог считаться и официальный издатель «Времени» М. М. Достоевский. Кстати, помимо политических акцентов высочайшего читателя, может быть, еще покорибил *стиль*?

«Залп хохоту должен был встретить глупый листок <...>, — говорит Достоевский о “Молодой России”. — Но несколько хилых старцев в подагре и хирагре с старобабьим умом, переменявшие по прочтении глупого листка свое белье и даже тут не догадавшиеся о настоящем употреблении этого

³⁷⁾ Страшно вымолвить (лат.).

³⁸⁾ См. подробнее: [Волгин, 2017а; 2020].

³⁹⁾ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1939. Т. 1. С. 777.

листка, — эти старцы почувствовали страшный, паралитический страх. Все это принялось с кашлем и удушьем проповедовать гибель» (цит. по: [Розенблюм: 51]).

Намек на «хилых старцев со старобабым умом», обвинявших в поджогах представителей молодого поколения, мог быть понят очень расширительно.

Интересно, что в своей статье в «Колоколе» Искандер прибегает к стилистике и семантике, весьма схожим с той, какая имеет место в запрещенной статье из «Времени»:

«Как мало надобно нашим женским нервам, чтоб испугаться, бежать назад, схватиться за фалду квартального...»⁴⁰⁾.

«Старобабий ум» у одного и «женские нервы» у другого взяты из одного образного ряда⁴¹⁾.

Через неделю после отъезда Достоевского, 15 июня, согласно недавно утвержденным «Временным правилам о печати», на восемь месяцев был приостановлен «Современник». На такой же срок приостанавливалось и «Русское слово».

Достоевский не предполагал, что подобная участь может грозить и «Времени».

10 июня А. Ф. Голицын, председатель Следственной комиссии, специально созданной в связи с событиями в Петербурге (в 1849 г. он руководил Особой комиссией по разбору бумаг арестованных петрашевцев), в своем всеподданнейшем докладе предлагает применить ко «Времени» указанную выше санкцию. «Согласен», — налагает резолюцию государь [Розенблюм: 34].

Удивительно: правительственная репрессия предлагается не за напечатанный, общедоступный, а — за остановленный, не дошедший до публикации текст. В истории отечественной журналистики трудно найти подобный прецедент.

12 (24) июня Достоевский играет в Висбадене на рулетке: надо полагать, впервые в жизни⁴²⁾. Иными словами, играет с судьбой.

В этот день министр народного просвещения А. В. Головин возвращает министру внутренних дел П. А. Валуеву отношение князя А. Ф. Голицына — о судьбе журнала братьев Достоевских. «...Я, — пишет министр, — просмотрел несколько книжек журнала “Время” и не нашел в них вредного направления, которое могло бы оправдать какие-либо строгие меры против этого издания»⁴³⁾. Валуев, в свою очередь, доводит это спасительное резюме

⁴⁰⁾ Колокол. 1862. 15 июля. Л. 139.

⁴¹⁾ На это сходство указывает также в своей статье Н. Г. Розенблюм: [Розенблюм: 37].

⁴²⁾ Очевидно, он проигрался. «Ради Бога, не играй больше, — пишет брату М. М. Достоевский. — Где уж с нашим счастьем играть» [Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования: 534].

⁴³⁾ [Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования: 34].

до высочайшего воззрения. В итоге: «Государь император изволил разрешить не прекращать издание журнала “Время” ныне, но с тем, чтобы за ним имелось наблюдение. Царское село 22 июня 1862 г.»⁴⁴⁾

Правительственная кара была отсрочена. «Время» запретят — и уже навсегда — ровно через год, но уже совершенно по иным основаниям.

Однако цепь *странных сближений*, сопутствующих лондонской встрече двух знаменитых русских писателей, на этом не заканчивается.

2 (14) июля — за два дня до свидания в Лондоне — в Петербурге арестовывают Д. И. Писарева. Публицист «Русского слова» вознамерился напечатать (разумеется, в подпольной типографии) статью в защиту Герцена. Статья была направлена против изданной в Берлине на французском языке брошюры Шедо-Ферроти (барона Фиркса: как полагают, агента русского правительства). Лондонский изгнанник подвергся в упомянутой брошюре тотальному поношению. Произведение Шедо-Ферроти с поощрения власти свободно ввозилось в Россию и, естественно, хорошо продавалось. Не упоминаемый (до выступления Каткова) «на языке родных осин» Герцен отозвался не без издевки: «перестать быть намеком, крепким словом, которого в печати не употребляют, равняется победе»⁴⁵⁾.

Дмитрий Писарев в своей статье-прокламации не просто попытается защитить Герцена и уничтожить «плоскую посредственность» Шедо-Ферроти. Он закончит ее призывом, за которым последуют четыре года отсидки в Петропавловской крепости:

«Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть. Их не спасут ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти. То, что мертво и гнило, должно само собой свалиться в могилу. Нам остается только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы»⁴⁶⁾.

Достоевский никогда не увидит этого листка, написанного, правда, гораздо талантливее, нежели «Молодая Россия» (но в конечных выводах не менее радикального). Зато он вполне мог быть знаком с брошюрой Шедо-Ферроти. И если так, то это сочинение отнюдь не отвратило его от поездки ко всячески поносимому в нем лицу. И опус Шедо-Ферроти тоже мог быть упомянут в их зарубежных беседах.

Они пока ничего не знают о том, что в эти дни происходит на родине.

Достоевский выбрал не лучшее время для своего европейского турне. 19 июля — в часы, когда он собирается покинуть Лондон и Герцен дарит ему свою фотографию, в Петербурге приходят за Чернышевским. Первоначально один из редакторов «Современника» был взят по подозрению в противо-

⁴⁴⁾ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 7–9. См. также: [Розенблюм: 35].

⁴⁵⁾ Колокол. 1862. 8 апреля. Л. 128.

⁴⁶⁾ Писарев Д. И. Полн. собр. соч.: в 6 т. СПб.: Издание Ф. Павленкова, 1907. С. 130.

законных сношениях с «лондонскими пропагандистами». Сношения заключались в том, что отъезжавший из Лондона приятель Кельсиева П. А. Ветошников вызвался передать Н. А. Серно-Соловьевичу (последний был арестован в один день с Чернышевским) письмо Огарева. Герцен сделал к нему маленькую приписку — о готовности издавать за свой счет «Современник» (приостановленный, как помним, на восемь месяцев) «здесь с Чернышевским или в Женеве» (ГЗ0; 27₂: 707). Агент III Отделения Г. Г. Перетц, скромно расположившийся среди герценовских гостей, донес: 1 июня (19 мая) Ветошников был взят на границе. Герцен никогда не мог простить себе этой конспиративной небрежности.

Наряду с письмом Огарева захватили известный дагерротип Левицкого — тот самый герценовский портрет, который будет вручен Достоевскому несколько недель спустя.

Знаменательно, что обвинение, которое привело к аресту Чернышевского, в окончательном приговоре отсутствует. Следственная комиссия и Правительствующий сенат пришли к заключению, что «нет основания полагать Чернышевского виновным в участии с Герценом в его стремлениях пропаганду ниспровергнуть существующий в России образ правления, а по сему по обвинению этому <...> его следует признать недоказанным»⁴⁷⁾.

Всезнающая власть не подозревала, что Чернышевский и Герцен имели удовольствие быть лично знакомыми.

В июне 1859 г. Чернышевский приезжает в Лондон: необходимо объяснить. В «Колоколе» вышла статья «Very dangerous», где Герцен неожиданно (и не очень ловко) задел «Современник» и заодно — сатирическое к нему приложение «Свисток». Этот реприманд (а если применить к данной размовке позднейшее определение Достоевского — «раскол в нигилистах») изумил их потенциальную аудиторию. Вознегодовал Некрасов (заметивший, что Герцен, дружески ехавший рядом, огрел его арапником), взволновался в дневнике Добролюбов. Поэт отправиться в Лондон не мог: они с Герценом пребывали в ссоре из-за пресловутого «огаревского наследства»⁴⁸⁾. Прямолинейный и резкий Добролюбов лишен дипломатических талантов: существовала вероятность, что он лишь усугубит ситуацию. Выбор пал на самого «деликатного» сотрудника «Современника».

Чернышевский, как и Достоевский, не знал ни слова по-английски. Чтобы добраться по адресу, он писал его на бумажке, которую предъявлял случайным прохожим. К Герцену он явился 24 июня / 6 июля 1859 г.

Визит Чернышевского сохранялся в глубокой тайне. Ни Герцен, ни его посетитель не обмолвились об этом ни словом. Правду знало всего несколько человек.

⁴⁷⁾ Колокол. 1865. 1 января. Л. 193.

⁴⁸⁾ См.: [Черняк].

Тем не менее остался документ: «Эстетические отношения искусства к действительности» (СПб., 1855) с дарственной надписью «Александрю Ивановичу Герцену с благоговением подносит автор»⁴⁹⁾ (Достоевский дарил свои «Записки из Мертвого дома», как помним, «с глубочайшим уважением»). Трудно предположить, что знаменитая диссертация, которую Тургенев в сердцах именовал «поганая мертвечина», произвела на автора «Былого и дум» благоприятное впечатление.

Знал ли Достоевский об этом сверхсекретном визите? Никто не задавал этим вопросом. Но на него — косвенно — ответил сам Достоевский.

В статье с характерным названием «Нечто личное», напечатанной в журнале «Гражданин» в 1873 г., Достоевский как бы вскользь замечает:

«Герцен мне говорил, что Чернышевский произвел на него неприятное впечатление, то есть наружностью, манерой. Мне наружность и манера Чернышевского нравились»⁵⁰⁾ (ДЗ0; 21: 25).

Когда и где делился Герцен подобными наблюдениями?

В 1862 г., толкуя в Лондоне, в том числе и о «Молодой России», собеседник Герцена не мог не поведать ему о своем разговоре на ту же тему с будущим автором «Что делать?». В свою очередь, Герцен, возможно, решил поделиться своими личными — трехлетней давности — впечатлениями. Так Достоевский был допущен в круг *посвященных*.

Достоевский в «Гражданине» не упоминает о своей давней поездке. Конечно, слова Герцена о Чернышевском могли быть сказаны им и позже — при их встречах в Италии или в Швейцарии. Но те свидания были случайны и непродолжительны: одно в 1863 г. — в присутствии А. П. Суловой (о чем уже говорилось выше), другое в 1867 г. — когда в Женеве они сказали несколько фраз друг другу в «враждебно-вежливом тоне» (ДЗ0; 28₂: 282). В 1863 г. Чернышевский уже больше года находился в Петропавловской крепости и маловероятно, что Герцен стал бы характеризовать его в подобных выражениях. Так что, скорее всего, речь о тайном госте заходила в Лондоне.

Вернемся опять к событиям в Петербурге. Нельзя не обратить внимания, что они теснейшим образом связаны с *типографической* темой. Той самой, у истоков которой стоял молодой Достоевский.

⁴⁹⁾ Хранится в музее А. И. Герцена в Москве.

⁵⁰⁾ Со своей стороны, Чернышевский незадолго до смерти заметил: «Я ломаю каждого, кому вздумаю память ребра; я медведь. Я ломал людей, ломавших все и всех, до чего и до кого дотронутся; я ломал Герцена (я ездил к нему дать ему выговор за нападение на Добролюбова: и — он вертелся передо мной, как школьник)» (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1950. Т. 15. С. 790).

Опасный след

«Заводите типографии! Заводите типографии! — отчаянно воззвал Герцен в 105-м листе “Колокола” от 15 августа 1861 г. — Теперь самое время».

Призыв был услышан: «Великорусс», «К молодому поколению», «Молодая Россия» вышли в свет. 15 июня (по ст. стилю) 1862 г. полиция нагрянула в «Карманную типографию» П. Д. Баллода: там обнаружилась готовая к печати писаревская статья.

Что касается арестованного через несколько дней Чернышевского, окончательный приговор по его делу тоже был связан с типографским станком. Воззвание «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», приписанное ведущему сотруднику «Современника», предназначалось для подпольной печати (Чернышевский был «пойман» на том, что якобы вносил исправления в текст, так и не достигнувший печатного станка). На сей раз «типографический след» не был замят: обвиняемый получил по полной.

В 1849-м участники «типографической семерки» были почти у цели. Герцен довел дело до конца. Знал ли он, что у него имелись *предшественники*? Впрочем, в «Полярной звезде» был напечатан приводимый ниже документ.

17 августа 1849 г. уже упомянутый выше И. П. Липранди пишет в Следственную комиссию: «Впоследствии, как я слышал, открыто комиссиею, что была заготовлена и тайная типография, долженствовавшая скоро начать работу и действовать, конечно для удобства распространения идей, а, может быть, уже и для печатания воззваний»⁵¹). Речь идет о том же, затеянном Достоевским с сотоварищами деле. Затрагивалась ли эта *деликатная* тема в их беседах?

Чернышевский, отвергая причастность к типографии, вряд ли подозревал, что он «встраивается» в некую историческую парадигму. Не подозревал об этом и Достоевский. «Никогда, — скажет он в 1873 г. о процессе над Чернышевским, — ничего не мог я узнать об этом деле; не знаю до сих пор» (ДЗ0; 21: 26). Наверное, он сильно бы удивился, узнай о тайной переключке сюжетов. Но еще более поразил бы его факт, также ему неизвестный.

18–19 (6–7) июля 1862 г. — в дни, когда он мирно общался с Герценом, в Ясной Поляне прошел полицейский обыск. Искали, разумеется, типографию.

Л. Н. Толстой пребывал «на кумысе», в башкирских степях. Внезапный приезд жандармов напугал его домашних. Обыск оказался следствием ложных доносов: ничего *криминального* не нашли. Хотя при этом переворошили

⁵¹) Отрывок из мнения действительного статского советника Липранди. В высочайше утвержденную комиссию о злоумышленниках под председательством генерал-адъютанта Набокова (Полярная звезда. 1862. Кн. 7. Вып. 1. С. 39). Этот выпуск «Полярной звезды», где опубликованы и другие материалы о петрашевцах (с упоминанием Достоевского), вышел осенью 1861 г., и более чем вероятно, что Достоевский был знаком с его содержанием.

толстовский кабинет, рылись в письмах и интимных дневниках многопишущего хозяина. Пока длился обыск, подвизавшиеся при яснополянской школе студенты изловчились вынести и перепрятать подаренный Толстому герценовский портрет: очевидно, все тот же.

Вернувшийся из Самары Толстой был в ярости. У него даже возникло желание покинуть возлюбленное отечество. (Но: «К Герцену я не поеду. Герцен сам по себе, я сам по себе» (Т30; 60: 435).) Он пишет письмо императору Александру II: при соблюдении эпистолярных приличий и норм в нем прорывается с трудом скрываема обида.

Странная вещь, непонятная вещь! — как выразился бы поэт. В июле 1862 г. «типографическая идея» незримо связывает нескольких не самых заурядных русских литераторов — Достоевского, Герцена, Чернышевского, Писарева, Толстого. Они никогда не осознают этой общей зависимости. (Хотя, кто знает, не поделился ли Достоевский с Герценом своей давней тайной.) В этой ситуации сокрыт не только сиюминутный, но и глубокий исторический смысл. Тяга русского слова к публичности, к бесцензурности, а, говоря проще, к свободе материализуется в настоятельных попытках «завести типографию». Но лондонская печатня остается единственным вполне удавшимся проектом. Иные пока факультативны.

Если в 1859 г. визит Чернышевского к Герцену остался неизвестен властям, то через три года они стали куда проницательнее. В конце июля агент III Отделения (выполнявший в данном случае функции внешней разведки) общается в Петербург имена тех, кто посещал лондонского изгнанника.

3/15 августа сверхинформированный Герцен (ссылаясь на верный польский источник) помещает в 141-м листе «Колокола» «Список лиц, которых правительство распорядилось арестовать по возвращении из-за границы». Последним в указанном списке значится Достоевский⁵²⁾ (Т30; 15: 381–383). Успел ли Достоевский увидеть это предостережение? Он возвращается в Россию 4 сентября (23 августа по ст. стилю) 1862 г. В его заграничном паспорте значится: «Вержболово. Предъявлен при приезде» (см.: [Брусовани, Гальперина: 287]). Потребовали ли от него предъявить что-либо еще?

До последнего времени на эти вопросы не существовало однозначных ответов. Но вновь найденные документы позволяют прояснить дело.

24 августа 1862 г. Вержболовская таможня (принадлежащая Министерству финансов) «имеет честь донести» в III Отделение, «что вечером вчерашнего числа возвратился из-за границы отставной подпоручик Федор Михайлович

⁵²⁾ Некоторые из этих лиц (Н. Г. Рубинштейн, С. П. и А. А. Боткины, Г. Г. Перетц (агент III Отделения!) и др.) были подвергнуты обыску, но у них «ничего подозрительного» обнаружено не было. Как свидетельствует Г. Ф. Коган, на основании поступивших в III Отделение донесений Достоевский был отнесен шефом жандармов В. А. Долгоруковым к категории тех лиц, которые посещали Герцена не из простого любопытства, а участвовали «более или менее в преступных его намерениях» [Коган: 596]. Интересно, что конкретно имели в виду те, кто поставлял начальству эту *криминальную* информацию?

Достоевский, и по строжайшем осмотре его не найдено ни при нем самом, ни в багаже его ничего подозрительного, кроме книг, поименованных в прилагаемом при сем реестре, и писем жены и брата его, опечатанныхъ въ одномъ пачке его же печатью»⁵³). Теперь не остается сомнений, что Достоевский внял герценовскому сигналу. Разумеется, ни «фотографической улики», ни каких-либо запрещенных изданий в личных вещах законопослушного путешественника обнаружено не было. (Не был ли передан герценовский портрет находящемуся вне подозрений Н. Н. Страху?) Восемь частей «Отверженных» («Les Misérables») В. Гюго на французском языке и еще две французские книжки (одна из которых «Отец Горио» Бальзака) не могли почесться чем-то очень сомнительным. Равно как и безобидные русские издания — «Афины и Константинополь»⁵⁴ и «Небывалые люди»⁵⁵. И — вместо потенциально возможных «Колокола» или «Полярной звезды» — два номера благонадежнейшей «Северной пчелы». Все это не представляло никакого *специфического* интереса. Тем не менее означенные книги были препровождены в Санкт-Петербургский комитет цензуры иностранной.

Но на этом дело не кончилось. 31 августа генерал-майор Свиты Его Императорского Величества А. Л. Потапов (исполняющий обязанности начальника III Отделения) представляет на заседании Следственной комиссии указанное отношение Вержболовской таможни «с приложением оказавшихся у проезжавшего из-за границы в С. Петербург отставного по<дпо>ручника Федора Достоевского писем, которые он запечатал своею печатью, изъявив желание, чтобы оные вскрыты в его присутствии». Очевидно, Достоевский сумел настоять на том, чтобы изъятая у него корреспонденция во время ее передвижения по инстанциям оставалась недоступной для чужих глаз. Собственно, его и пригласили в Комиссию для свидетельствования писем в присутствии их владельца. Эта сугубо частная переписка, содержащая сведения семейного, порой интимного характера (заметим, что письма Марьи Дмитриевны, первой жены, до нас не дошли), была исследована членами Комиссии с невольного согласия адресата. «Для этого Достоевский был приглашен в Комиссию и по вскрытии, при его бытности, доставленного пакета с письмами в сих последних ничего предосудительного не найдено. *Положено*: письма сии возвратить Достоевскому, что и исполнено в присутствии Комиссии». Этот документ, поименованный как «Выписка из журнала Высочайше учрежденной в С. Петербурге Следственной Комиссии»,

⁵³) ГА РФ. Ф. 109 (III Отд.). 1 эксп. Д. 230. Ч. 82. Л. 1. В полном объеме материалы дела публикуются в статье: [Захарова].

⁵⁴) Скорее всего, имеется в виду одноименная книга А. Милюкова (СПб., 1859).

⁵⁵) Удалось выяснить, что это не что иное, как рецензия З-н (Е. Ф. Зарин) на журнальную публикацию во «Времени» «Униженных и оскорбленных». Статья Зарина с указанным названием была напечатана в «Библиотеке для чтения» (1862, № 1–2). Очевидно, у Достоевского был оттиск этой статьи. Не вполне ясно, зачем ему понадобилось везти в Европу этот далеко не выдающийся текст.

имеет гриф «Секретно». А само дело, находящееся в фондах III Отделения, озаглавлено так: «О революционном духе народа в России и о распространении по сему случаю возмутительных воззваний». Это делопроизводство той самой Следственной комиссии, которая занималась не только петербургскими пожарами, но и отслеживала все действия в отношении Чернышевского, Писарева и других «политических преступников». «Часть 82. О литераторе Федоре Достоевском. 1862 г.» — именно здесь содержатся приведенные выше документы⁵⁶.

Илл. 6. Управляющий Третьим отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии генерал-майор А. Л. Потапов²

Fig. 6. Superintendent of the Third Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, Major General A. L. Potapov

Итак, будущий автор «Зимних заметок...» был реабилитирован в глазах правительства, хотя подвергся при этом довольно унижительным процедурам. Пора, однако, вернуться в Париж.

«Отойди от меня, Сатана»

Следует признать, Достоевский пробуждал любопытство не только у тружеников отечественного сыска. Оказывается, он мог быть интересен и полиции других стран.

Еще ранее, при пересечении французской границы (он въезжал в пределы Второй империи через Бельгию), в вагон к путешественнику подсаживается четверка странных попутчиков. У них нет «ни узелка, ни даже платья,

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 109 (III Отд.). 1 эксп. Д. 230. Ч. 82. Л. 1. О полицейском надзоре над писателем см. также: [Волгин, 2017b: 165–183], [Волгин, 2019: 188–204].

которые бы хоть сколько-нибудь напоминали человека дорожного». Они были «в каких-то легоньких сюртучках» и в несвежем белье (что автор «Зимних заметок...», всегда носивший, по свидетельству современников, белье исключительно чистое, не мог не отметить). «Небрежно посвистывая», они «равнодушно, но упорно поглядывали в окна кареты»⁵⁷, как бы подчеркнуто не обращая внимания на своих спутников. Когда, проехав одну станцию, они дружно выскочили из вагона, некий швейцарец, ехавший вместе с Достоевским, объяснил наивному россиянину, что это — не кто иные, как полицейские агенты, шпионы, в чью непрременную обязанность входит запоминание примет всех иностранцев, прибывающих в пределы Второй империи. «Швейцарец не обманул меня, — говорит Достоевский. — В отеле, в котором я остановился, немедленно описали все малейшие приметы мои и сообщили их, куда следует. По точности и мелочности, с которой рассматривают вас при описании примет, можно заключить, что и вся дальнейшая ваша жизнь в отеле, так сказать, все ваши шаги скрупулезно наблюдаются и сосчитываются» (ДЗ0; 5: 66).

У правительства Франции могли быть свои резоны. 14 января 1858 г. четыре итальянца во главе с Феличе Орсини, недовольные политикой императора в отношении их раздираемой усобицами родины, метнули под карету Наполеона III несколько бомб: 8 убитых и 142 раненых остались на месте. (В России до применения такого рода оружия дойдут нескоро: Зимний дворец будет взорван лишь 5 (17) февраля 1880 г.) Но вообще, после борений и смут Второй республики, Франция слыла довольно спокойной, *благоустроенной* страной. Историки называют эпоху Наполеона III золотым веком провокации, царством тайных агентов, доносчиков и соглядатаев. Не простаивали и добровольные помощники. Достоевский столкнулся с ними при заселении в очередной отель — причем весьма патриархально-го толка. Его владельцы, пожилые супруги («очень хорошие люди и чрезвычайно деликатны»), озаботились не только вопросом относительно общественного положения гостя (в конце концов предложили ему записать свое звание в наиболее приемлемом качестве — «собственник»), но и его особыми приметами, как то: ростом, цветом волос и т. д. Результаты осмотра были занесены хозяйкой гостиницы в особую книгу:

«— Позвольте, мсье, — продолжала она, кладя перо, вставая со стула и подходя ко мне с самым любезным видом, — вот сюда, два шага, к окну. Надо разглядеть цвет ваших глаз. Гм, светлые...

И она опять посоветовалась глазами с мужем. Они, видимо, чрезвычайно любили друг друга.

— Более серого оттенка, — заметил муж с особенно деловым, даже озабоченным видом. — *Voilà*, — мигнул он жене, указывая что-то над своею

⁵⁷) Очевидно, описка Достоевского, поскольку речь везде идет о *вагоне*.

бровью, но я очень хорошо понял, на что он указывал. У меня маленький шрам на лбу, и ему хотелось, чтобы жена заметила и эту особую приметку.

— Позвольте ж теперь спросить, — сказал я хозяйке, когда кончился весь экзамен — неужели с вас требуют такой отчетности?

— О мсье, это необ-хо-димо!..

— Мсье! — поддакнул муж с каким-то особенно внушительным видом» (Д30; 5: 67).

Первоначальные («летние!») впечатления вскоре подтвердились.

Париж под пером Достоевского предстает вместилищем лицемерия, ханжества и изощренной лжи. «Опыт о буржуа» — так называется глава шестая «Зимних заметок...». Столь беспощадной нравственной анатомии еще не подвергался этот мировой тип — ни в русской, ни в европейской литературе. Неслучайно будущий герой «Игрока», Алексей Иванович, станет утверждать, что фантазия современного француза «слагается из заранее принятых и давно уже опошлившихся форм. Натуральный же француз состоит из самой мещанской, мелкой, обыденной положительности, — одним словом, скучнейшее существо в мире» (Д30; 5: 239–240).

В характеристике, данной Алексеем Ивановичем «французику Де-Грие», угадываются те же мотивы, что присутствуют в «Опыте о буржуа». «Де-Грие был, как все французы, то есть веселый и любезный, когда это надо и выгодно, и нестерпимо скучный, когда быть веселым и любезным переставала необходимость. Француз редко натурально любезен; он любезен всегда как бы по приказу, из расчета» (Д30; 5: 239).

Соблюдение внешней формы, главная цель которой — прикрыть содержание, — вот методология не только авантюриста Де-Грие, но и других героев Достоевского. Лужин в «Преступлении и наказании», Ганечка Иволгин в «Идиоте», Кармазинов в «Бесах» — у всех у них внутренняя суть завуалирована приличным жестом, видимостью благородства.

На этой видимости держится вся социальная жизнь Парижа.

«Чего же более для совершенного счастья? Вот почему заглавия романов, как например “Жена, муж и любовник”, уже невозможны при теперешних обстоятельствах, потому что любовников нет и не может быть. И будь их в Париже так же много, как песку морского (а их там, может, и больше), все-таки их там нет и не может быть, потому что так решено и подписано, потому что все блеснит добродетелями. Так надо, чтоб все блестело добродетелями» (Д30; 5: 75).

«Потребность добродетели в Париже неугасима!» — продолжает Достоевский. И эта потребность прекрасно уживается с истинной страстью парижанина. А именно — с тем, что мы сейчас обозначили бы как главенствующую черту общества потребления:

«Накопить fortuna и иметь как можно больше вещей — это обратилось в самый главный кодекс нравственности, в катехизм парижанина. Это

и прежде было, но теперь, теперь это имеет какой-то, так сказать, священнейший вид» (ДЗ0; 5: 76).

В этом *вещественном* контексте понятие благородства утрачивает изначальный смысл и превращается в свою нравственную противоположность:

«Странный человек этот буржуа: провозглашает прямо, что деньги есть высочайшая добродетель и обязанность человеческая, а между тем ужасно любит поиграть и в высшее благородство. Все французы имеют удивительно благородный вид <...> Без неизъяснимого благородства он и спать не может спокойно» (ДЗ0; 5: 76, 77).

Между тем, говорит Достоевский, западный человек толкует о братстве. Но, оказывается, «сделать братство нельзя, потому что оно само делается, дается, в природе находится». И здесь автор «вдруг» называет обстоятельства, которые трудно отнести к ходу французской и вообще европейской жизни. Чтоб было братство, надо прежде всего любить, «надо, чтоб самого инстинктивно тянуло на братство, общину, на согласие, и тянуло, несмотря на все вековые страдания нации, несмотря на варварскую грубость и невежество, укоренившиеся в нации, несмотря на вековое рабство, на нашествия иноплеменников, — одним словом, чтоб потребность братской общины была в натуре человека, чтоб он с тем и родился или усвоил себе такую привычку искони веков» (ДЗ0; 5: 80). Все эти исторические реалии имеют касательство скорее к России. Именно ее образ, как уже говорилось, неизменно возникает в глубинах повествования. Не отсюда ли начинается цепь умозаключений, ведущих к «Пушкинской речи»? К речи-«завещанию», где потребность братства провозглашена как основополагающее стремление русского человека, «всечеловека», дающее надежду на духовный подвиг и искупление.

Но пока, в координатах западного мира, благороднейшие идеалы — вроде тех, что были провозглашены Великой французской революцией, утрачивают первоначальный смысл и превращаются в социальную пародию:

«Свобода. Какая свобода? Одинаковая свобода всем делать все что угодно в пределах закона. Когда можно делать все что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все что угодно, а тот, с которым делают все что угодно» (ДЗ0; 5: 78).

Собственно, здесь действует та же авторская оптика: «благородный жест» на самом деле прикрывает реальную несвободу; настоящая свобода — в ее материальном эквиваленте — зависит от толщины кошелька.

Не отсюда ли, пожалуй, проистекает традиционная антибуржуазность российской поэзии и прозы? Иначе, сугубое недоверие к тем, чей «обрюзгший жир» вытекает по человеку «в чистый переулок»:

«Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста
где-то недокушанных, недоеденных щей;
вот вы, женщина, на вас белила густо,
вы смотрите устрицей из раковин вещей»⁵⁸⁾.

1 марта 1918 г. Александр Блок записывает в дневнике:

«Отойди от меня, Сатана, отойди от меня, буржуа, только так, чтобы не соприкоснуться, не видеть, не слышать; лучше я или еще хуже его, не знаю, но гнусно мне, рвотно мне, отойди, Сатана».

А за месяц до этого — другая запись:

«Сидеть у печки и читать Достоевского»⁵⁹⁾.

Но вот вопрос. Отправляясь в свой первый зарубежный вояж, был ли Достоевский приуготован к тому или иному восприятию Запада? То есть: сложился ли у него образ современной ему Европы еще до того, как его нога переступила границу России? Или же в «Зимних заметках...» отложились только те впечатления, которые были приобретены за время летнего турне?

Не будем повторять, что горячую любовь к «стране святых чудес», к ее истории и культуре он пронес через всю свою жизнь. Тем не менее маловероятно, что в 1862 г. он питал какие-то иллюзии относительно еще не виденного им Запада. И поездка только укрепила его в тягостных предчувствиях. Но при этом была выработана некая «формула», некая концепция Запада, которая практически не менялась до конца его дней. Ироническое отношение к «современному» немцу, легкое презрение к «современному» французу, брезгливость к буржуа вообще — все это сохранится, пожалуй, навсегда. Позднейшие зарубежные поездки только укрепят его в этих чувствах. И тем драматичнее будет осознаваться пропасть между великим европейским прошлым и неприглядным настоящим.

«Я хочу в Европу съездить, Алеша, — говорит младшему брату Иван Карамазов, — отсюда и поеду; и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище... вот что!.. Дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я, знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни, и плакать над ними, — в то же время убежденный всем сердцем моим, что все это давно уже кладбище и никак не более» (ДЗ0; 14: 210).

Строго говоря, это *повтор*. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» сокрыты многие мировоззренческие истоки позднего Достоевского. Личное знакомство с Западом стало для него горьким и вместе с тем обнадеживающим уроком. Ибо в тексте просматривается альтернатива этому миру, там

⁵⁸⁾ Маяковский В. Нате! // Маяковский В. Стихи и поэмы. М., 1960. С. 44.

⁵⁹⁾ Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М., Л.: Худож. лит., 1963. Т. 7. С. 328, 324.

явлен намек на то, что возможен иной исход. Это чувство будет сопровождать Достоевского до могилы. Он говорит:

«Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать при самом сильном развитии личности» (ДЗ0; 5: 79).

Можно сказать, что он «на себе» исполнил этот завет. Он исполнил его в «высшем смысле», ибо все его творчество было жертвой, принесенной на искупление наших общих грехов. Недаром Герцен признал: «Верит с энтузиазмом в русский народ». И, может быть, долгожданное путешествие в западное *загробье* убедило его, что «святые чудеса» возможны и на его родине и что наивный шиллеровский призыв «Обнимитесь, миллионы!» прежде всего может найти отзвук в страдающем русском сердце.

Примечания

- 1 Фото предоставлено И. А. Желваковой, директором Московского Дома-музея А. И. Герцена.
- 2 Фото из издания: Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 2: Императорская главная квартира. История государевой свиты. Царствование императора Александра II. Кн. 2. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914. С. 802.

Список литературы

1. Брусовани М. И., Гальперина Р. Г. Заграничные путешествия Ф. М. Достоевского в 1862 и 1863 гг. // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1988. Т. 8. С. 272–292.
2. Волгин И. Л. Последний год Достоевского. М.: АСТ, 2017. 780 с. (а)
3. Волгин И. Л. Пропавший заговор. Достоевский: дорога на эшафот. М.: Академический проект, 2017. 869 с. (b)
4. Волгин И. Л. Ничей современник. Четыре круга Достоевского. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 735 с.
5. Волгин И. Л. Чудо в Женеве. А. Г. Достоевская и роман «Идиот» // Текст и традиция. СПб.: Росток, 2020. Альманах 8. С. 56–95.
6. Житомирская С. В. Судьба архива Герцена и Огарева // Герцен и Запад. М.: Наука, 1985. С. 549–640. (Литературное наследство; т. 96.)
7. Захаров В. Н. Поэтика хронотопа в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. Вып. 11. С. 180–201 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516399.pdf (15.04.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2013.379
8. Захарова О. В. Дело 1862 года о литераторе Достоевском // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 3. С. 72–93 [Электронный ресурс]. URL: <https://unknown-dostoevsky.ru/journal/article.php?id=5621> (01.05.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5621
9. Кантор В. К. «Срубленное древо жизни»: судьба Николая Чернышевского. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 527 с.

10. Коган Г. Ф. Разыскания о Достоевском // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 581–605. (Литературное наследство; т. 86.)
11. Козьмин Б. П. П. Г. Заичневский и «Молодая Россия». М.: Изд-во Всес. о-ва политка-торжан и сс.-поселенцев, 1932. 171 с.
12. Летопись жизни и творчества Достоевского, 1821–1864: в 3 т. СПб.: Академический проект, 1999. Т. 1: 1821–1864. 544 с.
13. Паперно И. Интимность и история: семейная драма Герцена в сознании русской интеллигенции (1850–1890-е годы) // Новое литературное обозрение. 2010. № 3 (103). С. 41–66.
14. Покровская Е. Б. Достоевский и Петрашевцы // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / под ред. А. С. Долинина. Пб., 1922. С. 257–274.
15. Розенблюм Н. Г. Петербургские пожары 1862 г. и Достоевский (Запрещенные цензурой статьи журнала «Время») / статья и публ. Н. Г. Розенблюма // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 16–54. (Литературное наследство; т. 86.)
16. Сергеев П. А. Толстой и его современники. М.: Изд-е В. М. Саблина, 1911. 283 с.
17. Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования / под ред. А. С. Долинина. Л.: АН СССР, 1935. 604 с.
18. Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М.; Л.: Academia, 1933. 559 с.
19. Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М.: Мысль, 1966. 309 с.

References

1. Brusovany M. I., Gal'perina R. G. Fyodor Dostoevsky Overseas Travel, 1862–1863. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, vol. 8, pp. 272–292. (In Russ.)
2. Volgin I. L. *Posledniy god Dostoevskogo* [The Last Year of Dostoevsky]. Moscow, AST Publ., 2017. 780 p. (In Russ.) (a)
3. Volgin I. L. *Propavshiy zagovor. Dostoevskiy: doroga na eshafot* [The Missing Conspiracy. Dostoevsky: The Road to the Scaffold]. Moscow, Akademicheskiiy proekt Publ., 2017. 869 p. (In Russ.) (b)
4. Volgin I. L. *Nichey sovremennik. Chetyre kruga Dostoevskogo* [Nobody's Contemporary. Four Circles of Dostoevsky]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019. 735 p. (In Russ.)
5. Volgin I. L. Miracle in Geneva. A. G. Dostoevskaya and the Novel “The Idiot”. In: *Tekst i traditsiya* [Text and Tradition]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2020, almanac 8, pp. 56–95. (In Russ.)
6. Zhitomirskaya S. V. The Fate of Herzen and Ogarev Archives. In: *Gertsen i Zapad* [Herzen and the West]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 549–640. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 96). (In Russ.)
7. Zakharov V. N. The Poetics of the Chronotope in Winter Notes on Summer Impressions by Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2013, issue 11, pp. 180–201. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516399.pdf (accessed on April 15, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2013.379 (In Russ.)
8. Zakharova O. V. The 1861 Case of the Writer F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2021, vol. 8, no. 3, pp. 72–93. Available at: <https://unknown-dostoevsky.ru/journal/article.php?id=5621> (accessed on May 1, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5621 (In Russ.)

9. Kantor V. K. «*Srublennoe drevo zhizni*»: sud'ba Nikolaya Chernyshevskogo [“*The Cut Down Tree of Life*”: the Fate of Nikolai Chernyshevsky]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2016. 527 p. (In Russ.)
10. Kogan G. F. Investigations About Dostoevsky. In: *F. M. Dostoevskiy. Novye materialy i issledovaniya* [F. M. Dostoevsky. New Materials and Researches]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 581–605. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 86.) (In Russ.)
11. Koz'min B. P. P. G. *Zaichnevskiy i «Molodaya Rossiya»* [P. G. Zaichnevsky and the “Young Russia”]. Moscow, the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers Publ., 1932. 171 p. (In Russ.)
12. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo, 1821–1881: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works, 1821–1881: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999, vol. 1: 1821–1864. 544 p. (In Russ.)
13. Paperno I. The Intimacy and History: Herzen's Family Drama in the Minds of the Russian Intelligentsia (1850–1890-ies). In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2010, no. 3 (103), pp. 41–66. (In Russ.)
14. Pokrovskaya E. B. Dostoevsky and Petrashevtsy. In: *F. M. Dostoevskiy. Stat'i i materialy* [F. M. Dostoevsky. Articles and Materials]. Peterburg, 1922, pp. 257–274. (In Russ.)
15. Rozenblyum N. G. Petersburg Fires of 1862 and Dostoevsky (Articles of the Journal “Vremya” Prohibited by the Censorship). In: *F. M. Dostoevskiy. Novye Materialy i issledovaniya* [Fyodor Dostoevsky. New Materials and Studies]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 416–54. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 86.) (In Russ.)
16. Sergeenko P. A. *Tolstoy i ego sovremenniki* [Tolstoy and His Contemporaries]. Moscow, Izdanie V. M. Sablina Publ., 1911. 283 p. (In Russ.)
17. *F. M. Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [F. M. Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1935. 604 p. (In Russ.)
18. Chernyak Ya. Z. *Ogarev, Nekrasov, Gertsen, Chernyshevskiy v spore ob ogarevskom nasledstve* [Ogarev, Nekrasov, Herzen, Chernyshevsky in the Dispute About the Ogarev Inheritance]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1933. 559 p. (In Russ.)
19. Eydel'man N. Ya. *Taynye korrespondenty «Polyarnoy zvezdy»* [Secret Correspondents of “The Polar Star”]. Moscow, Mysl' Publ., 1966. 309 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Волгин Игорь Леонидович, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, основатель и президент Фонда Достоевского, вице-президент International Dostoevsky Society, заслуженный профессор, факультет журналистики, Московский государственный университет (ул. Моховая, 9с1, г. Москва, Российская Федерация, 119019); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2313-1906>; e-mail: mail@volgin.ru.

Igor L. Volgin, PhD (Philology, History), Founder and President of Dostoevsky Foundation, Vice President of the International Dostoevsky Society, Emeritus Professor, The Faculty of Journalism, Moscow State University (ul. Mokhovaya 9c1, Moscow, 119019, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2313-1906>; e-mail: mail@volgin.ru.

Поступила в редакцию / Received 05.07.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.08.2021

Принята к публикации / Accepted 01.09.2021

Дата публикации / Date of publication 15.09.2021